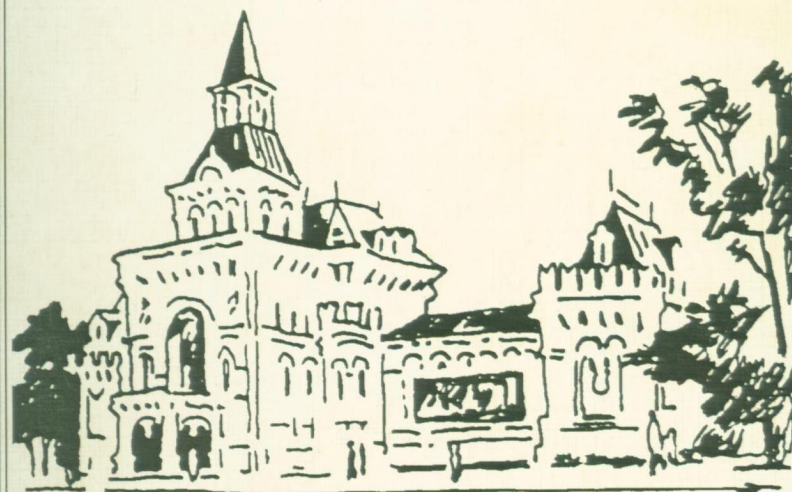

СУВОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Санкт-Петербург
1999

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Государственный
мемориальный
музей А. В. Суворова

СУВОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
конференции

Санкт-Петербург
1999

Сборник материалов конференции
«Суворовские чтения», посвященной 200-летию
юбилею легендарного Швейцарского похода
А.В.Суворова (1999 год), включает в себя тезисы
докладов и выступлений, содержащие не только
обращение к крупным событиям далекого
прошлого, но и уточненные факты, не получившие
широкой известности.

Государственный мемориальный музей
А.В.Суворова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.В. Фураева.</i> К истории установки памятника русским воинам у Чертова моста	4
<i>В.В. Оточкин.</i> В.И.Суворов и П.И.Шувалов (история создания шуваловской «секретной гаубицы»	14
<i>А.Н. Лукирский.</i> К вопросу о церемониале похорон А.В.Суворова	25
<i>И.А. Столярова.</i> Похороны и надгробие А.В.Суворова в Благовещенской усыпальнице	32
<i>К.Л. Козюренко.</i> «История о светлости» эпизод из отношений Павла I и А.В.Суворова	36
<i>Ю.Н. Пирютко.</i> Благовещенская усыпальница – первый пантеон России	44
<i>А.Б. Богданов.</i> Александр Суворов – мещанский стрелок городов Богемии	49
<i>Ю.Н. Гуляев.</i> Рядом с Суворовым. (О совместной службе А.В.Суворова и М.И.Кутузова)	57
<i>Д.В. Кудрявцев.</i> Память о Суворове в деятельности русской эмиграции	65
<i>Т.Н. Игнатьева.</i> Английские политические карикатуры конца XVIII века на А.В.Суворова в собрании ГММ А.В.Суворова	73
<i>Н.Г. Рогулин.</i> Использование А.В.Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения»	81
<i>А.А. Будко.</i> А.В.Суворов и военная медицина ..	91
<i>Л.И. Спиридонова.</i> А.В.Суворов в Финляндии ..	98
<i>Г.И. Васильева.</i> Суворов на Новгородской земле	106

Г.Э.Введенский. Гипотеза о происхождении названия корабля	115
К.А.Дряннов. Суворовские принципы в действиях танкистов в период Московской битвы	121
А.Г.Абрамов. Воспоминания Ивана Никитича Григоровича как исторический источник об Итало-Швейцарском походе А.В.Суворова ...	130

Т.В.Фураева

Комитет по культуре

Правительства Ленинградской области

К истории установки памятника русским воинам у Чертова моста

В связи с 200-летием Швейцарского похода А.В.Суворова отечественная историческая мысль обращается не только к крупным событиям далекого прошлого, но и уточняет факты, не получившие широкой известности. К ним принадлежит, в частности, история увековечения памяти русских воинов на месте боев в Швейцарии. Ее описал в своей книге «Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии» российский журналист-международник и историк Г.П.Драгунов¹. Из содержания работы, лишенной, к сожалению, ссылок на источники, видно, что автор опирался на документы, хранящиеся в швейцарских архивах, и сообщения русской и французской прессы 90-х гг. XIX в., когда возникла и была реализована идея сооружения на Сен-Готарде памятника в честь русских солдат, павших во время перехода армии Суворова через Швейцарские Альпы. Изучение документов, находящихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), показывает, что тема отнюдь не исчерпана. Имеется реальная возможность внести ряд уточнений и дополнений в предложенную интерпретацию и вместе с тем расширить существующие представления о дальнейшей судьбе упомянутого памятника, воздвигнутого к 100-летию похода Суворова.

Как известно, инициатором сооружения монумента был камергер двора Его Величества князь С.М.Голицын, обратившийся со своим предложением через графа С.Д.Шереметева к министру императорского двора и уделов графу И.И.Воронцову-Дашкову. Последний направил 10 ноября 1892 г. товарищу министра иностранных дел

Н.П.Шишкину письмо, в котором изложил прошение С.М.Голицына. Целиком его поддерживая, И.И.Воронцов-Дашков просил получить высочайшее разрешение на установку памятника. Показательно, что С.М.Голицын был готов полностью оплатить расходы по сооружению монумента и обеспечить наблюдение над его строительством.

Н.П.Шишкин сочувственно отнесся к предложению и поручил российскому посланнику в Швейцарии статс-секретарю А.Ф.Гамбургеру конфиденциально собрать предварительные сведения о способах его осуществления. 20 января 1893 г. А.Ф.Гамбургер сообщил Н.П.Шишкину о полученных им данных для осуществления проекта сооружения памятника. Далее отношение посланника было передано графу И.И.Воронцову-Дашкову с негативной оценкой Н.П.Шишкина, который счел информацию А.Ф.Гамбургера неудовлетворительной и противоречивой по своему содержанию, что не позволяло сделать положительное заключение.

Содержание отношения сводилось к тому, что посланник А.Ф.Гамбургер, будучи уверен в том, что идея сооружения памятника не встретит никакого препятствия ни со стороны кантональных властей, ни со стороны Федерального совета, прежде всего пожелал заручиться согласием кантональных властей. Для этого он обратился к своему знакомому, который находился в дружеских отношениях с ландамманом (главным судьей) Урийского кантона, с просьбой написать последнему о том, что «некоторые русские желали бы почтить память усопших: врезать в скалу у Чертова моста мраморную доску с соответствующей ей надписью и поставить на подножии крест в древне-православном стиле»².

В полученном ответе отмечалось, что со стороны кантональных властей препятствий не встретится, но было поставлено условие: предварительное представление рисунка креста и перевода надписи, которая будет начертана на мраморной доске.

Однако, впоследствии из частных разговоров с некоторыми лицами посланник стал понимать, что проект не найдет поддержки у федеральных властей, ибо установка креста в православном стиле может возбудить недовольство в протестантско-католической стране.

Некоторые соотечественники посланника рекомендовали ему не поднимать этого вопроса, ибо увековечение прохода чужеземных войск через территорию Швейцарии могло бы затронуть щекотливый вопрос о принципе ее нейтралитета.

Одновременно обсуждался выбор места для установки памятника. В сентябре 1893 г. уполномоченными от швейцарского и русского правительств полковником Флюквером и князем С.М.Голицыным, при участии экспертов, был произведен осмотр местности, прилегающей к Чертову мосту. Результатом стал выбор двух мест вблизи Андерматта, подходящих для установки памятника и находящихся на требуемом расстоянии от сооружений военного ведомства. Определение именно двух мест было обусловлено возможностью встретить в одном из них технические затруднения: снежные и каменные обвалы и просачивание подпочвенной воды.

В итоге обследования местности князем С.М.Голицыным, по предварительному соглашению с уполномоченным Федерального правительства, была составлена памятная записка от 12 сентября, переданная российским посланником Федеральному правительству. В ней предлагалось утвердить принципиально одобренные уполномоченными места для памятника, а представление планов и рисунков отложить до подробного технического обследования выбранных мест.

Вопрос о сооружении на Сен-Готарде русского памятника был рассмотрен Федеральным советом Швейцарии в октябре 1893 г. Совет дал принципиальное согласие на его установку, выразив при этом пожелание, чтобы проект сооружения и рисунки креста были бы предвари-

тельно представлены на одобрение швейцарского правительства.

О намерении князя С.М.Голицына поставить памятник на Сен-Готарде, равно как и о принципиальном на то согласии швейцарского правительства, было доведено до сведения императора. Проект получил высочайшее одобрение Александра III.

Князь С.М.Голицын при содействии Санкт-Петербургского общества архитекторов учредил конкурс проектов и рисунков памятника. 8 апреля 1894 г. конкурсная комиссия удостоила премии лучший из 9-ти представленных проектов.

Министерство иностранных дел в отношении на имя князя С.М.Голицына от 7 апреля выразило пожелание ускорить по возможности сооружение памятника на Сен-Готарде. В связи с этим, С.М.Голицын в первых числах мая 1894 г. отправился в Берн, чтобы при содействии русского посланника представить проект и рисунок памятника Федеральному правительству на его одобрение, однако из-за болезни посланника А.Ф.Гамбургера вынужден был ограничиться лишь содействием первого секретаря, не облеченного правами поверенного в делах российской миссии в Берне.

В ходе личных контактов с представителями Федерального правительства С.М.Голицын пришел к выводу, что получение разрешения на установку памятника задерживается, главным образом, в связи с вопросом об ограничении его размеров. По мнению С.М.Голицына, это не представляло бы серьезного препятствия, если бы российская миссия в Берне употребила со своей стороны необходимую настойчивость. В докладной записке на имя графа И.И.Воронцова-Дашкова от 16 июня 1894 года С.М.Голицын писал: «...постановка памятника на С.Готарде, сравнительно мизерных размеров, не только не отвечала бы намеченной цели, имеющей для русских историческое значение, но и не отвеча-

ла бы топографическому положению, если принять во внимание грандиозность скал, на которых проектировано сооружение, к тому же в основу моего проекта отнюдь не входило предположение на постановку памятника, сооружаемого исключительно на мои личные средства, мизерных размеров, а вполне соответствующего как местоположению, так и окружающим его предметам, дабы такое сооружение представлялось приличным своему назначению»³.

Между тем, в первой половине мая 1894 г. состоялся вторичный доклад государю императору об уступке Урзернским обществом места для постановки памятника. Общество мотивировало в своем протокольном постановлении такое решение «благоговением к нашему монарху как оберегателю Европейского мира»⁴.

В письме И.И.Воронцову-Дашкову от 9 августа 1894 г. Н.П.Шишкин, разделяя соображения графа «по поводу крайне прискорбных замедлений» в осуществлении сооружения памятника на Сен-Готарде, вместе с тем подчеркивал, что «со стороны министерства иностранных дел постоянно прилагаются все старания для скорейшего приведения к окончанию этого дела»⁵.

Однако, по сведениям министерства иностранных дел, задержка в получении окончательного согласия швейцарского правительства являлась, главным образом, результатом возникновения двух различных проектов. Второй проект появился помимо министерства иностранных дел и был представлен швейцарскому правительству русским военным агентом полковником бароном Розеном. Совершив еще в августе 1892 г. поездку на Сен-Готард и найдя в жалком состоянии усыпальницу сподвижников Суворова, барон Розен обратился к начальнику Федерального военного департамента Швейцарии с просьбой содействовать предохранению ее от разрушения. Военным министерством были приняты меры к возобновлению существовавшего памятника, находящегося при странноприимном доме Сен-Готардского монастыря^{6,7}.

Министерство иностранных дел принимало во внимание, что, по имеющимся сведениям, в усыпальнице погребены не только одни павшие русские воины, но и монастырская братия, а также и странники. Однако, ввиду известной нетерпимости католических монахов к прочим вероисповеданиям, министерство высказывало сомнение, чтобы суворовские воины были погребены в монастырском склепе, и не нашло достаточно оснований считать означенную усыпальницу памятником подвигов русских героев. Кроме того, министерство высказало соображение, что «...швейцарское правительство, пользуясь возникновением одновременно двух проектов, старается устранить вообще все предположения о постановке памятника павшим суворовским воинам»⁸. Сообразуясь со всеми обстоятельствами, министерство обратилось к военному министру с просьбой временно приостановить дальнейшие мероприятия по исправлению усыпальницы, а также предложить барону Розену сделать швейцарскому правительству необходимое заявление. Переписка между министерством иностранных дел и военным министерством свидетельствует о том, что возникшее препятствие было вскоре устранено.

В начале июля 1894 г. Федеральное правительство возобновило переговоры с российской миссией в Берне относительно того, чтобы на месте, избранном под памятник, был бы изображен краскою контур креста и ниши, дабы наглядно убедиться в оптической величине монумента. Это условие было выполнено. Назначенная правительством комиссия, проведя экспертизу, признала предложенный размер слишком грандиозным и сочла целесообразным уменьшить его до следующих параметров: 11 метров в ширину и 25 метров в высоту, обозначив указанный размер особой краской по сделанному на скале контуру. Федеральное правительство согласилось с заключением комиссии и постановило утвердить окончательный вариант габаритов памятника, о чем официально

уведомило российскую миссию в Берне нотой от 28 сентября 1894 г.

По свидетельству С.М.Голицына, в июне 1895 г. им лично были заключены договоры с подрядчиками, но, из-за рано наступившей зимы, подготовительные работы были приостановлены уже в сентябре. В 1896 г. по случаю небывалых холодов на Сен-Готарде к работам приступили только в июне. Это обстоятельство, а также возникшие трения относительно содержания надписи на памятнике лишили С.М.Голицына возможности заблаговременно заказать буквы для этой надписи. Последовательное устранение многочисленных помех, а также сооружение памятника «с возможною поспешностью» давали С.М.Голицыну основание рассчитывать на его освящение в последних числах сентября 1896 г. Подготовленный С.М.Голицыным проект программы освящения памятника был представлен на рассмотрение министру иностранных дел, который нашёл его вполне приемлемым. С.М.Голицын особо оговаривал участие в церемонии депутации от военного ведомства. Однако, сооружение памятника по разным причинам затянулось, и он был открыт лишь 14 (26) сентября 1898 г.

В дальнейшем к вопросу о памятнике высшие органы государственной власти России обратились в 1909-1910 гг. в связи с необходимостью его реставрации. В декабре 1909 г. военный агент в Швейцарии полковник Генерального штаба Гурко доложил, что Сен-Готардский памятник нуждается в капитальном ремонте. Памятник покрыт зеленым мхом; вода, стекающая с гор по кресту и по находящейся под ним плите, грозит ему разрушением, а скатывающиеся камни отбивают его края. В донесении отмечалось, что памятник возбуждает досаду русских туристов и роняет престиж России в глазах иностранцев⁹.

23 февраля 1910 г. по поручению Главного управления Генерального штаба полковник Гурко представил подробный проект ремонта памятника. По смете

архитектора Цшокке расход на ремонтные работы определялся в сумме 11,274 рубля. Каких-либо временных работ делать не следовало, а в случае отсутствия средств ремонт мог быть отложен до 1911 г.

Главное управление Генерального штаба, представлением в Военный совет от 31 марта 1910 г., ходатайствовало об ассигновании требуемой суммы в законодательном порядке. Военный совет поддержал это ходатайство и, ввиду неимения в распоряжении Главного управления Генерального штаба специальных источников на этот расход, принял 8 апреля соответствующее решение^{10 11}.

Письмом от 7 мая 1910 г. председатель Совета министров П.А.Столыпин уведомил военного министра В.А.Сухомлинова о том, что Совет министров рассмотрел на своем заседании 4 мая представление военного министерства и не встретил препятствий к направлению дела в Государственную Думу.

Государственная Дума на своем заседании 17 мая 1910 г. постановила направить законопроект об ассигновании средств на ремонт памятника, внесенный военным министром, в комиссию по государственной обороне и на заключение в бюджетную. Обе комиссии рассмотрели законопроект и признали подлежащим удовлетворению ходатайство военного министра. 4 июня 1910 г. Государственная Дума приняла законопроект, который предписывал отпустить из средств государственного казначейства в 1911 г. по военному министерству 11,274 рубля на ремонт Сен-Готардского памятника. После одобрения документа Государственным Советом император Николай II утвердил его 17 июня 1910 г.¹². Таким образом, Россия вновь продемонстрировала свое стремление обеспечить содержание в достойном виде памятника воинам Суворова, погибшим при переходе через Альпы.

Прошло сто лет с момента сооружения памятника. Современная Россия воздает почести суворовским героям. Государственная Дума Федерального Собрания

Российской Федерации 16 июля 1998 г. приняла Постановление «О 200-летию Швейцарского похода А.В.Суворова»¹³. Намеченные в связи с этой памятной датой мероприятия служат убедительным напоминанием о боевой выучке и силе духа русских солдат, проявленных в условиях труднейшего Швейцарского похода.

¹ Драгунов Г.П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. – М., 1995. С. 94-98.

² Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.5об.

³ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.12.

⁴ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.13.

⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. Л.17.

⁶ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 43. ЛЛ.5, 20об, 21

⁷ Назаревский В.В. Царствование Императора Павла I и походы Суворова в Италию и Швейцарию. – М., 1910. С. 29-34

⁸ РГИА. Ф. 472. Оп.44. Д. 43. Л.21 об.

⁹ Там же. Ф. 1276. Оп.6. Д. 437. Л.1.

¹⁰ Там же. Ф. 1276. Оп.6. Д. 437.

¹¹ Там же. Ф. 565. Оп.1. Д. 4218.

¹² Там же. Ф. 1278. Оп.2. Д.1495.

¹³ Собрание законодательства РФ, 27.07.98., № 30, ст. 3707.

В.В.Оточкин
Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи

В.И. Суворов и П.И. Шувалов (история создания шуваловской «секретной гаубицы»)

Контакты бригадира, а позднее – генерал-поручика В.И. Суворова (1705(08?)–1775 гг.) и генерал-фельдцейхмейстера П.И.Шувалова (1711–1762 гг.), возглавлявшего артиллерию в годы Семилетней войны с Пруссией, не были предметом внимания историков, хотя и находили отражение в опубликованных источниках и документах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС).

Их первые контакты состоялись в 1751–53 гг., когда П.И.Шувалов, пожалованный генерал-аншефом, получил в командование дивизию, части которой были дислоцированы в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. В условиях, когда Пруссия неоднократно заявляла о своих претензиях на господство в Европе, опираясь на подготовленную армию, положение дел в русской армии не давало оснований для спокойной службы. Близость дивизии к границам потребовала проведения аттестования высшего командного состава. Шуваловым были представлены аттестационные списки. К увольнению в 1751 г. были представлены по возрасту и болезням 9 генералов, 2 бригадира, 19 полковников и 18 подполковников. Среди них – генерал-лейтенант А.Тараканов в службе 50 лет; комендант Кронштадта бригадир М.Молчанов в возрасте 77 лет, комендант Рижского гарнизона полковник А.Ремезов в возрасте 74 лет. Формулировки аттестования к отставке: «пришел в старость и слабость», «стар, дряхл и болен», «за болезнями».

Но первоначально шла переписка генерала П.И.Шувалова и бригадира В.И.Суворова, члена присутствия Военной коллегии, отвечавшего на претензии вновь назначенного командира дивизии по волоките с аттестованием офицеров и генералов.

Решение Военной коллегии 3 ноября 1753г. присутствует в деле за подписью В.И.Суворова: «...Шувалову послать Указ, в котором написать, что и как ныне поправлено в Военной коллегии оказалось и на какие по реестру есть резолюции». В ответ П.И.Шувалов писал: «Из Государственной Военной коллегии получил я указы ноне во всем полные противу моих представлений, а чего ради о том знать мне во оных не додано, а иные такие, что государственная Военная коллегия исполнение учинять определила, но и по ним не учинено¹.

Сопоставление с ведомостью состава генералитета, представленной Военной коллегией в Конференцию накануне Семилетней войны в 1756 г. показывает, что необходимые кадровые перестановки в высшем командном составе были произведены. Состоялось и выдвижение перспективных офицеров, достойно проявивших себя через несколько лет в сражениях Семилетней войны с Пруссией были настолько существенны, что иногда назывались реформой генералитета.

Еще до назначения генерал-фельдцейхмейстером в 1752 г. командиром дивизии П.И.Шуваловым делались запросы в Военную коллегию, Канцелярию Главной Артиллерии и Фортификации (Канцелярия Гл.АиФ) о содержании и обучении артиллерийских служителей в драгунских и пехотных полках, об отпуске пороха для экзерциций (учебных занятий–В.О.) и его замене в ротных патронных ящиках².

Еще в декабре 1754 г. задолго до назначения П.И.Шувалова генерал-фельдцейхмейстером Военная коллегия, членами которой были будущие главнокомандующий С.Ф.Апраксин и губернатор Пруссии

генерал-поручик В.И.Суворов, представляла доклад о кандидате на эту должность, «упорно останавливаясь на графе Петре Ивановиче Шувалове».

Отмеченную историками, в качестве одной из предпосылок назначения П.И.Шувалова генерал-фельдцейхмейстером, близость его ко двору не стоит исключать совсем, но вероятно не правомерно брать в расчет в качестве определяющего фактора. Самой действенной причиной назначения стало создание П.И.Шуваловым с участием ген.-м-ра М.Толстого, м-ра К.Мусина-Пушкина, ученика пушечного мастера М.Степанова гаубицы с овальным каналом ствола, что в самых общих деталях описано в работах по истории материальной части артиллерии³.

Архивные документы в деталях рассказывают, как проходил процесс принятия «шуваловской» гаубицы на вооружение: от идеи через пробы и опытные стрельбы до изготовления серийных образцов орудий. Протоколы заседаний Сената за 1753-54 гг., дают возможность проследить в чем состояли контакты П.И.Шувалова и В.И.Суворова в этих событиях.

2 июня 1753 г. П.И.Шувалов, «человек замыслов великих и предприимчивый»⁴, – как писал один из создателей единорога М.В.Данилов, – подает в Сенат проект и чертежи гаубицы «с овалистым калибром, из которого рассуждается в стрелянии картечами лутчий способ». В протоколах мы видим, что создание гаубицы было предметом неоднократного рассмотрения в Сенате. В той или иной постановке вопросы ставились П.И.Шуваловым 2, 4 и 9 июня, 21 и 26 октября, 10, 15 и 22 ноября, 13 декабря 1753 г., и 10, 14, 31 января уже в 1754 г. За каждой строкой протокола детальное обсуждение поставленных проблем⁵.

Сенат одобрил проект П.И.Шувалова и дал команду «генерал-майору Толстому две (гаубицы –В.О.) отлить, при сенаторе пробу учинить». В Московском арсенале при участии майора К.Мусина-Пушкина, штык-юнкеров И.Вельяшева-Волынцева, М.Жукова

учеником пушечного мастера М.Степановым были вылиты пробные экземпляры, проведены испытательные стрельбы для определения результатов и эффективности огня «вновьизобретенного» орудия.

Несмотря на то, что на заседании Сената П.И.Шувалов объявил, что при пробах новая гаубица «нашлась с его, генерала и кавалера, чаяниями сходная», для сенаторов это не стало основанием для принятия какого-либо решения.

26 октября 1753 г. на заседание Сената приглашаются члены Военной коллегии генерал-аншеф С.Ф.Апраксин и бригадир В.И.Суворов для обсуждения шуваловского проекта и обоснования заключения. Нужно представить сложность ситуации, в которой находились члены Военной коллегии. Речь шла не просто об очередной «курьозной инвенции» – необычном изобретении, каких было немало в 40–50-х гг.⁶ а о возможном переходе от единичного экземпляра к вооружению этим орудием всей артиллерии. «Вельможный прожектор» сенатор П.И.Шувалов был человеком, определявшим внутреннюю политику России, и именно в этот период реализовал проекты отмены внутренних таможен и организации межевания земель. Через жену Мавру Егоровну он был близок к Елизавете Петровне и мог чрезвычайным порядком по праву генерал-адъютанта или через фаворита Елизаветы Петровны – двоюродного брата Ивана Ивановича – решать любые вопросы.

Однако С.Ф.Апраксин и В.И.Суворов заявили, как записано в протоколе, что «не видав чертежа и той гаубицы в самой пробе, о пользе оной рассуждать не можно» и предложили провести повторные опытные стрельбы в их присутствии⁷.

10 ноября 1753г. стрельбы состоялись. На них присутствовали члены Сената, Военной коллегии и высший командный состав, находившиеся тогда в Москве – генералы С.Ф.Апраксин, П.Сумароков,

А.И.Шувалов, П.С.Салтыков, Д.Дадан, бригадир В.И.Суворов и другие. Новые гаубицы сравнивались со старыми орудиями, состоявшими на вооружении с 1734 г.

Протоколы Сената хранят и результаты сравнительных стрельб, которые можно представить в виде таблиц⁸ (табл.1 на стр. 19).

Только после стрельб Сенатом и Военной коллегией было сделано заключение о том, что новая гаубица «несравненно против старой гаубицы сильнее и далее бьет и по линии фронта более 21 сажень (более 44 м – В.О.) захватывает, а в баталии и первая, и вторая линии полков были бы поражены».

Это занесено в протоколы, а на стволе одного из орудий вырезаны надписи, что гаубица «В 1753-м году ноября 10 дня того году Правительствующим Сенатом, Военною коллегиею и генералитетом пробована и усмотрена во всем в отменном ею действе перед прежними и полезнейшею против неприятеля, каковой донныне изобретено не было» и «изобретена вновь и именована гаубица Шувалова» в честь автора идеи и организатора ее создания⁹.

Н.Е.Бранденбург, видимо ошибочно, считал, что такая надпись была нанесена на стволы всех орудий¹⁰. Как представлявшая историческую ценность по решению П.И. Шувалова, немало сделавшего для сбора артиллерийских реликвий, одна из гаубиц под № 3 была сохранена. Этому свидетельство ведомости количества орудий в Петербургском арсенале за 1760 г. Сегодня это орудие находится в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, начало которой было положено еще императором Петром I в 1703 г.¹¹.

Тактико-технические данные шуваловских гаубиц, принятых на вооружение и объявленных «секретными» по причине скрытия формы канала ствола (Табл.2 на стр. 19)

В.И.Суворов и П.И.Шувалов

Таблица 1

Количество выстреленных картечей		Количество картечей в щите		Примечание: через дробь	
1/2 пуд.гаубица	гаубица Шувалова	1/2 пуд.гаубица	гаубица Шувалова	1/2 пуд.гаубица	гаубица Шувалова
(на 100 саж./ на 125 саж.)		(на 100 саж./ на 125 саж.)			
90 / 100		54 / 28			

* Размеры щитов: дл.=26 саж., выс.=3 арш. (1 сажень=2,1м; аршин=71см.)

Таблица 2

Калибр (см)	Длина ствола (см)	Вес ствола (кг.)	Вес заряда (фунт.)	Боевой комплект (шт.)	Дальность стрельбы (м.)
95 x 207	162	491	33	4 / 150*	400–500
	гаубица обр. 1758 г. с конической зарядной камерой				
65 x 130	100	142			
70 x 175	99,5	147,4			
120 x 235	165	268,4			

* – На орудие картечей чугунных – 4 по шесть 3-фн. ядер, вязаных свинцовых (каждая по 25 фн.) – 150, лошадей – 14 (на гаубицу – 4, на 4 ящика – 8, запасных – 2), расчет орудия составлял 7 человек¹².

Являясь типичным по порядку рассмотрения Сенатом многих проектов П.И.Шувалова в сферах финансовой, предпринимательской и таможенной деятельности, процесс оценки результатов стрельб и создания опытных экземпляров и принятие на вооружение артиллерии «секретной» гаубицы явился примером тщательности подготовки им своих «проектов» и сложности их реализации.

С утверждением результатов стрельб Сенат принимает решение об изготовлении в Московском арсенале 69 орудий для полковой артиллерии. Принимаются меры по обеспечению тайны создания орудия. Закрывается медной крышкой с замком дульный срез канала ствола. Утверждается для расчетов орудий текст специальной присяги, обязывающей «хранить в секрете всегда верно содержать и что я при том видеть и знать буду никому не объявлять»¹³.

26 декабря 1756 г. Конференцией было утверждено предложение П.И.Шувалова для мирного времени «гаубицы рассуждено иметь генерал-аншефам по дивизиям для употребления во время движения и командировок по рассмотрению и диспозициям своим при главных их генералов квартирах и парках полевой артиллерии или в арсеналах Киева, Риги, Выборга». Впоследствии сокращается количество орудий до 50, что «по числу армии довольно видится»¹⁴.

Создатели орудия поощряются П.И.Шуваловым или по его предложению Сенатом. Командиром созданного «Бомбардирского корпуса» шуваловских гаубиц назначен, представленный к званию подполковника, К.Мусин-Пушкин. Штат части предусматривал 410 человек; из них – 9 офицеров, 350 человек при орудиях, а также – 400 фурлейтов, 850 лошадей¹⁵.

Протоколы принятия на вооружение секретной гаубицы говорят об артиллерийской подготовке П.И.Шувалова: он автор идеи, его подпись стоит под

чертежами орудий, он непосредственный участник опытных стрельб и подготовки выводов об эффективности огня орудия по их результатам.

Сам П.И.Шувалов становится кандидатом на должность генерал-фельдцейхмейстера, чему свидетельство доклады еще в апреле 1756 г. генерала М.А.Толстого – второго лица Канцелярии Гл.АиФ сенатору о ходе изготовления «секретных» гаубиц¹⁶. Это может быть признанием факта, что вопрос о назначении на должность командующего артиллерией и инженерным корпусом поднимался неоднократно и решался продуманно¹⁷.

Предпосылки назначения не только в самом факте создания проекта гаубицы именно П.И. Шуваловым, а в тех знаниях, которые он показал при представлении ее проекта в Сенате, в его личном участии в испытаниях, предшествующей деятельности на посту командира дивизии по подготовке подчиненных частей к заграничному походу, активной работе по решению военных вопросов в Сенате и при исполнении обязанностей генерал-адъютанта.

Для руководства артиллерией с учетом опыта предыдущей военной деятельности 31 мая 1756 г. П.И.Шувалов, утверждением императрицей доклада Конференции, назначается «как наиболее способнейший» на должность генерал-фельдцейхмейстера¹⁸.

Гаубицы П.И.Шувалова или «секретные» – образца 1753 г. находились на вооружении Бомбардирского корпуса – отдельной части артиллерии Главной армии и в ходе войны использовались по партиям в составе двух секретных гаубиц и одного единорога, придаваясь полкам Главной армии и Обсервационного корпуса.

В 1753 г. ставки на применение вместе с картечью ядер, гранат, бранджугелей еще не делалось. В этом «обвиняли» П.И.Шувалова критики «секретных» гаубиц, не упоминая о том, что он сам в 1756 г. писал о их недостатках С.Ф.Апраксину¹⁹.

По оценке участия шуваловских гаубиц в Семилетней войне не все историки единодушны. Хотя действенность картечного огня «секретных» гаубиц отмечалась в реляциях главнокомандующих С.Ф.Апраксина («великое действо новоизобретенных генералом-фельтцейхмейстером графом Шуваловым секретных гаубиц»), П.С.Салтыкова («единороги и шуваловские гаубицы ужасное имели действо») по итогам сражений²⁰.

С 1756 г. «шуваловские» гаубицы совершенствуются, отливаясь с конической зарядной каморой. Появляются орудия образца 1758 г. трех калибров – «шуваловы гаубицы нового рода», стрелявшие кроме картечи еще и ядра, гранаты и бранджугели. Шуваловские гаубицы находились в артиллерии действующей армии до конца Семилетней войны и в войсках до середины 70-х гг. XVIII в. Сведения, приведенные Н.Е.Бранденбургом на основе документов архива Артиллерийского исторического музея: в 1758 г. в артиллерии действующей армии было 38 «секретных» гаубиц в Бомбардирском корпусе, в том числе 17 «нового рода». В 1759 г. под Куннерсдорфом – 35 «секретных» гаубиц, из них – 17 «нового рода» и 10 «секретных гаубиц» – в полках Обсервационного корпуса²¹. После смерти П.И.Шувалова орудия, сложные в изготовлении, были сняты с вооружения.

Позднее принимались решения о вооружении гаубицами образца 1758гг. ланд-милицких полков и гарнизонов крепостей; несколько гаубиц отправлялись в армию союзной Австрии²².

Последнее прижизненное распоряжение Шувалова «о вылитии к шуваловым гаубицам нового рода по 50-ти к каждой трех калибров бомб, ядер, бранджугелей» и об отправке команды для изготовления для крепостей сибирских гарнизонов 10 шуваловых секретных гаубиц²³. Последние служебные контакты П.И.Шувалова и губернатора Пруссии генерал-поручика В.И.Суворова

были в апреле 1761 г. при подготовке осады Кольберга, когда подполковнику И.И.Меллеру было приказано сопровождать и передать Василию Ивановичу Суворову осадные орудия.

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1156. Л. 55–59.

² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. АРС. Д. 308. Л. 1–3.

³ История отечественной артиллерии. – М.: Воениздат, 1960. Т. 1. Кн. 2. С. 182 – 183; Прочко И. История материальной части артиллерии. – М.: Воениздат, 1945. С. 45; Бранденбург Н.Е. Каталог Артиллерийского исторического музея. – СПб., 1887. С. 45.

⁴ Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова. – М., 1842. С. 80.

⁵ Сенатский архив. – СПб., 1901. Т. IX. Протоколы Правительствующего сената, 1753– 1756 гг. С. 107, 109, 185–188, 194–196, 200, 227; АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 998. Л. 1–3.

⁶ Бранденбург Н.Е. Каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. – СПб., 1883. С. 56.

⁷ Сенатский архив. Там же. Т. IX. С. 185–188.

⁸ Сенатский архив. Там же. Т. IX. С. 194–196.

⁹ ВИМАИВиВС, инв. № 2/17.

¹⁰ Бранденбург Н.Е. 500-летие русской артиллерии. – СПб., 1889. С. 37–38.

¹¹ Каталог материальной части артиллерии. Сост. В.П.Вышенков, Л.К.Маковская, Е.Г.Сидоренко. – Л., 1961. 135 – 137; ВИМАИВиВс, инв. № 2/17, 2/69, 2/16, 2/70.

¹² История отечественной артиллерии. Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 184.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 376. Л. 10–32, 38; там же. Оп. ШГФ. Д. 958, л – Л. 2, 29.

¹⁴ Архив князя Воронцова. – М., 1870. Кн. 7. С. 493; Сборник ИРИО, Т. 136. – СПб., 1912, С. 265; История отечественной артиллерии, там же. С. 215; АВИМАИВиВС, Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 589. Л. 30; там же. Д. 997. Л. 30–31 об. Д. 960. Л. 30.

¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 376. Л. 40–43; там же. Оп. ШГФ. Д. 589. Л. 7; ПСЗ РИ, Т. XXXXIV. Ч. 1. С. 295–333.

¹⁶ Столетие Военного министерства. – СПб., 1902. Т. 6. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. Ч. I. Сост. Д.П. Струков. С. 227; АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 14.

¹⁷ АВИМАИВиВС, Ф. 2. Оп. АР–С. Д. 554. Л. 4–6; там же. Оп. ГП, Д. 541, Л. 118–118 об; там же. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 38 об.; там же. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 26.

¹⁸ Баранов П. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в сенатском архиве за XVIII век. Т. III, 1740–1764 гг. – СПб., 1878. С. 234; Столетие военного министерства. Там же. С. 278; АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 14–15.

¹⁹ Энциклопедия военных и морских наук. Т. 8. – СПб., 1897. С. 392.

²⁰ Хрестоматия по русской военной истории. – М.: Воениздат, 1947. С. 171.

²¹ Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны. // Артиллерийский журнал. 1898. № 9. С. 705; 1899. № 2. С. 107.

²² АВИМАИВиВС. Оп. ДКМ. Д. 309. Л. 406; там же. Оп. ШГФ. Д. 958. Л. 121, 125; там же. Д. 1559. Л. 383; там же. Д. 975. Л. 95–97.

²³ АВИМАИВиВС. Оп. АР. С. Д. 790. Л. 73 об.

А. Н. Лукирский
Государственный мемориальный
музей А. В. Суворова

К вопросу о церемониале похорон А. В. Суворова

Со смертью и погребением А.В.Суворова связано множество легенд и выдумок, не меньше чем с его жизнью. В историографии распространено мнение о попытках Павла I унижить полководца и у порога могилы, которые нашли отражение в церемониале похорон. Далее мы рассмотрим некоторые утверждения, которые в свете изученных документов представляются спорными. Это вопрос о назначении церемониала похорон, о карауле, наряженном для отдания последних почестей полководцу, а также о присутствии на погребении высших должностных лиц империи и придворных.

Генерал-фельдмаршал А.В.Суворов скончался 6 мая 1800 года, во втором часу по полудни в квартире своего племянника Д.И.Хвостова. 8 мая 1800 года Дмитрий Иванович обращается к Санкт-Петербургскому военному губернатору П.А. фон дер Палену с письмом, в котором содержатся вопросы о дате и церемонии похорон. 9 мая в ответном письме П.А. фон дер Пален сообщил: «Его императорское высочество государь цесаревич наследник объявить изволил 1-е государю императору, благоуходно чтобы вынос тела, покойного дяди вашего князя Итальянского был не в пятницу, а в субботу, на который и билеты [приглашения – А. Л.] рассылать. 2-е церемония будет по воинскому обряду; назначаются маршалами два штаб-офицера; так же для несения кавалерских знаков и тела покойного нарядится пристойное число обер и унтер офицеров»¹.

В советской сувороведческой литературе, еще более, чем в дореволюционной, укрепилось мнение о том, что Павел I принизил значение А. В. Суворова, от-

дав распоряжение хоронить его как генерал-фельдмаршала, а не генералиссимуса².

Однако чин генералиссимуса введенный уставом 1716 г., не вошел в «Табель о рангах» 1722 г., а «устанавливался как исключительный дававшийся в особых случаях»³. Фактически чин генералиссимуса, в конце XVIII века, являлся званием, которое присваивалось главнокомандующему армиями союзных государств, а так же армиями одного государства, действующими на разных театрах боевых действий. В качестве примера можно привести назначение австрийского фельдмаршала К.Ф.Шварценберга генералиссимусом в 1813 г. и австрийского эрцгерцога Карла в 1809 г. Случай пожалования Суворова званием генералиссимуса, 28 октября 1800 г., был как раз таким, поскольку он командовал не только русскими и австрийскими армиями в Италии, но и русскими войсками действовавшими в Швейцарии и Голландии⁴.

По зафиксированной в уставе 1797 г., номенклатуре воинских чинов русской армии, Суворов имел высший чин – генерал-фельдмаршала, чин же генералиссимуса в уставе отсутствовал. Соответственно и регламент похорон был расписан в уставе 1797 г. начиная с высшего чина русской армии – чина генерал-фельдмаршала⁵. А поскольку чина генералиссимуса не существовало, то А.В.Суворова хоронили по церемониалу предусмотренному для генерал-фельдмаршала, высшего воинского чина России, и говорить в этой связи о «принижении значения» полководца не следует. Кроме того, два предыдущих генералиссимуса – А.Д.Меншиков и Антон-Ульбрих Брауншвейгский, умерли в опале, так что прецедента для официальных похорон генералиссимуса не было.

Согласно уставу 1797 г., глава 14 «О погребении офицеров, унтер-офицеров и рядовых» для похорон генерал-фельдмаршала выделялись три батальона и четыре эскадрона, для салюта выделялись 11 пушек⁶. Большинство авторов, пишущих о карауле, находившемся

при церемонии погребения А.В.Суворова, основываются на воспоминаниях Н.И.Греча, который писал: «За гробом шли три жалкие гарнизонные батальона. Гвардии не нарядили под предлогом усталости солдат после парада»⁷. Каких именно полков батальоны были выделены для церемонии погребения полководца не установлено. Однако из «Списка именного бывшим на погребении генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Римникского господам штаб и обер унтер-офицерам» следует, что в составе караула выделялись офицеры не из батальонов гарнизонных частей, а батальонов армейских полков составлявших гарнизон столицы и подчинявшихся наследнику престола Александру Павловичу, который в это время был губернатором Санкт-Петербурга. Это Лейб-гренадерский, генерал-майора Ушакова 1-го (Сенатского), генерал-майора Сукова (Кексгольмского), генерал-майора Горчакова 3-го (Тенгинского) полки⁸. Офицеры и унтер-офицеры из этих полков несли ордена А.В.Суворова, непосредственно сопровождали катафалк с телом полководца. Что касается отсутствия гвардии в карауле, она подчинялась непосредственно императору и в состав столичного гарнизона формально не входила, в уставе же не сказано о том, что гвардия должна участвовать в церемонии погребения генерал-фельдмаршала. Однако Д.П.Рунич, в своих записках свидетельствовал: «У подъезда его [А.В.Суворова – А.Л.] дома стояла на часах рота лейб-гвардии Преображенского полка, мундир которого он носил. ...Все гвардейские полки были выстроены шпалерами от дома Хвостова, который находился на Крюковом канале, близ Никольского собора, до ворот Лавры»⁹. Правда, Д.П.Рунич не был очевидцем церемонии, поскольку прибыл из Берлина в Санкт-Петербург, к вице-канцлеру В.П.Кочубею в июне 1800 г. Единственная из историй гвардейских полков, в которых упоминается о похоронах А.В.Суворова – это история Л.-гв. Преображенского полка, в которой написано следующее: «Преображенцы в этой печальной процессии были в

рядах и следовали непосредственно за гробом усопшего»¹⁰. Но это утверждение ничем не подтверждено.

Итак, по-нашему мнению, церемония проходила в соответствии с уставом 1797 г., за исключением кавалерии, которая не входила в состав гарнизона Санкт-Петербурга¹¹. Это подтверждается письмом непосредственного участника митрополита Евгения от 14 мая 1800 г., в котором он подробно описывает похороны А.В.Суворова, отмечая наличие пехоты и отсутствие кавалерии¹².

Г.И.Меерович и Ф.В.Буданов в своей книге «Суворов в Петербурге» описывая церемонию похорон отмечают: «Резко бросалось в глаза отсутствие придворных»¹³. Однако в Отделе рукописей РНБ нами обнаружены два списка лиц приглашенных на похороны А.В.Суворова. В первом из них около 150 имен высших должностных лиц империи и придворных чинов¹⁴. Среди них: президент, граф Н.И.Салтыков и вице-президент И.Ф.Ламб военной коллегии, вице-президент адмиралтейств коллегии граф Г.Г.Кушелев, обер-шталмейстер, граф И.П.Кутайсов, фаворитка императора графиня А.П.Гагарина и ее супруг генерал-адъютант, граф П.Г.Гагарин, первоприсутствующий коллегии иностранных дел, граф Ф.Ф.Ростопчин, генерал от кавалерии, Санкт-Петербургский военный губернатор, граф П.А. фон дер Пален. Для людей менее знатных существовал другой список¹⁵. Митрополит Евгений писал: «Между тем съезжались иностранные министры, сенаторы и президенты. Насмотрелся я пестроты иностранных и наших кавалерий»¹⁶. Аббат Жоржель, представитель Мальтийского ордена в России, с декабря 1799 по конец мая 1800 гг., также свидетельствует о том, что «несколько министров и придворных вельмож шли пешком в глубоком трауре вслед за колесницей вместе с родственниками генералиссимуса»¹⁷.

В 1913 г. Е.С.Шумигорский высказал следующее мнение: «Похороны народного героя Суворова, впавшего в опалу после своей главной войны с Францией, для высших классов получили характер демонстрации»¹⁸.

Его позднее развил известный советский историк Н.Я.Эйдельман: «Это были первые в новой русской истории похороны имевшие подобный смысл: отсюда начинается серия подобных прощаний русского общества с лучшими своими людьми (Пушкин, Добролюбов, Тургенев, Толстой...) – похороны превращаются в оппозиционные демонстрации, выражение чувств личного, национального, политического достоинства»¹⁹.

На наш взгляд, с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку приглашения на церемониал похорон рассылались с одобрения императора и разрешения Санкт-Петербургского генерал-губернатора. На похоронах присутствовал столичный полицмейстер Лисаневич, а порядок во время траурной церемонии поддерживали конные и пешие чины полиции²⁰.

Подводя итог, следует отметить следующее: похороны А.В.Суворова проводились в соответствии с уставом 1797 г., (за исключением отсутствия кавалерии); поскольку чина генералиссимуса уставом не предусматривалось, то полководца хоронили по высшему разряду – генерал-фельдмаршала. Что касается наличия на похоронах высших должностных лиц государства и придворных, то из списков приглашенных, свидетельств очевидцев, зафиксированных сразу после похорон, а также данного, с ведома императора, разрешения губернатора Санкт-Петербурга на рассылку приглашений на участие в церемонии дают возможность утверждать следующие, что они присутствовали на погребении полководца. Категорически нельзя согласиться также и с тем, что похороны А.В.Суворова были «оппозиционной демонстрацией».

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 755. Т. 13. Л. 2.; А. В. Суворов в своих письмах. // Русская старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 332.

² Осипов К. Александр Васильевич Суворов. – М., 1954. С. 251; Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. –

Л., 1978. С. 279. ; Бескровный Л. Г. А. В. Суворов. Этапы жизни и деятельности. // Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. – М., 1980. С. 133.

³ Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – Л., 1991. С. 76.

⁴ Командующий русскими войсками вернувшимися из Голландии граф Воронцов докладывал А. В. Суворову: "Получил Высочайший рескрипт Его Императорского Величества, коим назначен я командовать возвратившимся из Голландии в Англию корпусом, о сем честь имею рапортовать. Не имел же еще о числе людей от командующего перед сим рапорта, не могу теперь оно доставить. Лондон. декабря 6/17 1799 года" (Е. Б. Фукс. История Российско-Австрийской кампании под предводительством генералиссимуса, князя Итальянского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Ч. III. – СПб., 1826. С. 562.)

⁵ Военный устав Государя императора Павла Первого о военной полевой пехотной службе. – Смоленск, 1797. С. 195 - 196.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М., 1990. С. 106.

⁸ ОР РНБ. Ф. 755. Т. 13 Л. 19 - 20.; Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 282 - 283.

⁹ Из записок Д. П. Рунича. // Русская старина., 1901. Т. 105. № 2. С. 342.

¹⁰ Долгов С., Афанасьев А. История лейб-гвардии Преображенского полка. – СПб., 1883. Т. 1725–1801. С. 636.

¹¹ Армейские кавалерийские полки стояли в окрестностях Санкт-Петербурга: Лейб-Кирасиры Его величества в Царском Селе и Павловске, Лейб-кирасиры Ея Величества в Петергофе, Драгунский полк Сакена 3-го в Рыбачьей слободе. (Милютин Д. А. История войны 1799 года. – СПб., 1857., т. 3. С. 82.)

¹² Митрополит Евгений. Письма В. И. Македонцу. // Русский архив., 1870. Кн. 4. Ст. 777.

¹³ Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 283.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 755. Т. 14. Л. 11-13

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 755. Т. 14. Л. 15-18

¹⁶ Митрополит Евгений. Письма В. И. Македонцу. // Русский архив., 1870. Кн. 4. Ст. 777.

¹⁷ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. – М., 1913. С. 168.

¹⁸ Шумигорский Е. С. Тысяча восьмисотый год.// Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 40

¹⁹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. – СПб., 1992. С. 208.

²⁰ Митрополит Евгений. Указ. соч. Ст. 777, Жоржель. Указ. соч. С. 168.

И.А.Столярова
Государственный музей городской скульптуры

Похороны и надгробие А.В.Суворова в Благовещенской усыпальнице

6 мая 1800 г. Александр Васильевич Суворов умер в доме своего племянника, графа Дмитрия Ивановича Хвостова, который взял на себя всю организацию похорон. Об этом свидетельствует его переписка тех дней.

Похороны полководца должны были состояться 12 мая в Благовещенской усыпальнице Александроневской лавры, на что императором Павлом I был дан Высочайший указ.

Прощание с Суворовым вывело на улицы Петербурга практически каждого горожанина. «Улицы, все окна в домах, балконы, кровли преисполнены были народом. День был прекрасный», — вспоминал известный церковный историк митрополит Евгений (Болховитинов). «Не правительство, а Россия оплакивала Суворова... народ всех сословий наполнил все улицы, по которым везли его тело и воздавал честь великому гению России», — писал литератор Н.И.Греч. Мемуаристка В.Н.Головина вспоминала: «Никогда зрелище не было для меня более трогательно. На лицах всех военных запечатлено было выражение самой глубокой горести. По тротуарам улиц толпились люди всех слоев общества, многие из них становились на колени».

Однако все мемуаристы, относившиеся к разным слоям русского общества, отмечали отсутствие внимания правительства к этому событию. Известно, что в последний период жизни Суворова отношения его с Павлом I были сложны. Император присутствовал на похоронах полководца, но не следовал с процессией, как того ожидали, а только встретил ее у Садовой улицы. Характерна реакция на смерть Суворова официальных органов печати. «Санкт-Петербургские ведомости» обошли этот факт молчанием, а «Политический журнал»

Похороны и надгробие А.В.Суворова...

(1800, № 44, кн. 3, с. 438) ограничился лишь кратким сообщением в рубрике «разные известия».

По мнению известного историка Н.Я.Эйдельмана, похороны Суворова стали первым публичным выражением оппозиции различных слоев русского общества к императорской власти. Современникам нужен был отклик на смерть полководца. «Верно, из сих слез вылетится бессмертная ода» — отмечал митрополит Евгений, наблюдая в Благовещенской церкви, как с Суворовым прощался Г.Р.Державин. Действительно, этому событию посвящены два державинских стихотворения. Свой поэтический отклик оставил литератор и адмирал А.С.Шишков. Стихотворение «Надпись к гробу Суворова» есть у Н.И.Гнедича. Современники размышляли над тем, какая должна быть эпитафия на надгробии полководца.

Об истории эпитафии Суворову в 1843 г. писал в своей «Истории князя Суворова» Н.А.Полевой. «В Нейтищене, где умер и похоронен Лаудон, Суворов хотел видеть гробницу этого великого человека. Долго задумчивый стоял он и смотрел на длинную эпитафию, где исчислены были дела и чины Лаудона. «К чему такая длинная надпись?» — сказал он. «Завещаю тебе волю мою, — прибавил Суворов, обращаясь в директору канцелярии своей Е.Б.Фуксу, — на моей гробнице написать только три слова: «Здесь лежит Суворов»».

Но все же появление эпитафии несомненно связано с именем Державина. Сам поэт внес надпись «Здесь лежит Суворов» в число своих авторских произведений.

Однако не сразу в Благовещенской усыпальнице появилось надгробие наиболее полно отвечавшее мыслям полководца.

В переписке графа Д.И.Хвостова, относящейся к маю 1800 г., сохранилось следующее пожелание относительно памятника. «Над гробом поставить образ Спасителя, лампаду перед образом, под образом дощечку, на коей написать: «Генералиссимус князь Александр Васильевич Итальянский граф Суворов Рымникский родился в 1730 году ноября 13 дня, тезоименитство ноября

23 дня святого Александра Невского, скончался в 1800—м году мая 6 дня». Над телом положить мрамор, на нем накладные медные литеры: «Здесь лежит Суворов».

Дощечка с текстом, предложенным Хвостовым, превратилась в пристенную бронзовую золоченую плиту, оформленную в виде фигурного щита (датой рождения на табличке был указан 1729 год). В пол была вмурована плита из известняка с текстом, повторяющим надпись на щитке.

Лишь в 1852 году, по инициативе внука полководца, светлейшего князя Александра Аркадьевича Суворова-Рымниковского была положена мраморная плита с текстом «Здесь лежит Суворов», набранным медными золочеными литерами.

Не ранее 1898 года вокруг надгробия была установлена решетка, что связано с пожеланиями потомков Суворова: на вмурованную в пол плиту неизменно наступали, ставя свечи к иконе. Таким образом, в конце XIX века могила полководца выглядела так: мраморная плита в полу, окруженная кованой решеткой из аркообразных прутьев со стойками на углах, завершенными овальными шишками; киот с иконой, перед которой была зажжена лампада; бронзовый щиток с эпитафией — сначала он находился слева под подоконником, а потом укреплен на решетке.

Такой вид имела могила Суворова вплоть до 1917 года. Далее наступает период, не получивший освещения в литературных и архивных источниках. Первые документы послереволюционного времени по надгробию полководца относятся к 1940 году и находятся в архиве ГМГС. Из них явствует, что в течение шестнадцати лет Благовещенская усыпальница (закрытая как действующая церковь) была недоступна для обозрения. В ее помещении располагались различные организации: например, Государственный трест по производству городских геодезических работ. Однако первый этаж здания находился в ведении музея городской скульптуры, и велась подготовка к созданию музейной экспозиции с

новым оформлением места могилы Суворова. В ноябре 1940 г. были подготовлены две гранитные колонны для бюстов Суворова и Милорадовича. Гипсовая отливка бюста генералиссимуса с бронзового оригинала работы В.И.Демут-Малиновского, хранящегося в Государственном Русском музее, была проведена в феврале 1941 г.

Небезынтересно отметить, что в это же время обсуждался вопрос о переносе праха и надгробия Суворова. Из протокола заседания музейного совета от 27 ноября 1940 г. с темой «О целесообразности перенесения праха Суворова в Казанский собор или Суворовский музей» следует, что этот вопрос был решен отрицательно.

В период Великой Отечественной войны у могилы Суворова происходило принесение присяги, клятвы на верность Родине бойцов, отправлявшихся на защиту города-героя Ленинграда. В связи с этим встал вопрос о незамедлительном ремонте здания Благовещенской усыпальницы. Однако ремонтные работы протекали очень сложно, о чем свидетельствует переписка администрации музея и ряд сметных документов. Работы были закончены лишь в 1950 году, когда торжественно отмечалось 150-летие со дня смерти А.В.Суворова. 12 мая у могилы полководца состоялось возложение цветов. У надгробной плиты на постаменте стоял его бюст, склонялись знамена суворовского времени.

В 1976 году гипсовый бюст Суворова был заменен бронзовой отливкой, выполненной на заводе «Монументскульптура». Бюст установлен на новом постаменте, выполненном по проекту арх. В.С.Васильковского. Постамент из патинированной бронзы, вытянутый, цельнолитной; на лицевой стороне изображен меч, перевитый ветвями дуба и лавра. Могила Суворова получила строгое, законченное по своему характеру оформление, находящееся в соответствии с историческими традициями.

В 1999 г. обновленная после реставрационных работ, начатых в 1989 г., Благовещенская усыпальница вновь откроется в дни, когда будет отмечаться 200-летие Швейцарского похода А.В.Суворова.

К.Л.Козюренко
Российский государственный архив
военно-морского флота

**«История о светлости»:
эпизод из отношений Павла I и А.В.Суворова**

История взаимоотношений императора Павла I и полководца А.В.Суворова, двух самых неординарных личностей российской истории последних лет XVIII в., всегда пользовалась особым вниманием их биографов. Согласно схеме, сложившейся в русской историографии вт. пол. XIX – нач. XX в., эти отношения прошли три этапа. Первый, от воцарения императора до возвращения Суворова на службу в феврале 1799 г., в целом характеризуется взаимным неприятием и срывавшимися попытками достичь взаимопонимания. Второй, до конца марта 1800 г., является фактической идиллией, полной гармонией между государем и его генералиссимусом. Наконец последние полтора месяца жизни А.В.Суворова омрачены сколь тяжелой, столь и неожиданной опалой, по поводу причин которой среди исследователей до сих пор нет единого мнения¹.

В советской сувороведческой литературе, как известно, утвердилась точка зрения о перманентно негативном отношении Павла I к полководцу. Однако при этом требовали объяснения экстраординарные пожалования императора Суворову в кон. 1799 – нач. 1800 гг.: дарование княжеского титула, возведение в ранг генералиссимуса, с отдачей войсками почестей аналогичных высочайшей особе, создание прижизненного памятника. Хотя в каждом конкретном случае вразумительные аргументы со знаком минус и не были приведены, но искренность Павла Петровича удалось взять под сомнение. Постараемся выяснить, насколько это обоснованно в отношении первой из перечисленных выше наград полководцу.

Уже в некоторых дореволюционных работах А.В.Суворов трактовался как «российской армии победоносец... которому собственный государь отказал в титуле «светлости»². Однако наиболее развернуто мнение о том, что в пожаловании полководцу княжеского титула Российской империи содержалась высочайшая немилость, изложил К.Осипов, автор самого известного в советское время жизнеописания генералиссимуса, многократно переиздававшегося огромными тиражами на протяжении нескольких десятков лет³. В первом издании этой книги он написал: «Осыпая наградами и комплиментами прославлявшего его полководца, Павел в тайне питал к нему прежние недоверие и неприязнь. Один характерный факт ярко иллюстрирует это: даровав Суворову княжеский титул, император не разрешил именовать его «светлостью». Суворов остался «сиятельством», хотя при возведении в княжеское достоинство Безбородко и Лопухина было добавлено: «с титулом светлости»⁴. Спустя более полутора десятилетий, в очередном переиздании своего труда, К.Осипов добавил в этот текст цитату из повеления Павла I генерал-прокурору А.А.Беклешову от 22 ноября 1799 г.: «Быв известен, что многие ошибаются в титуле генералиссимуса князя Итальянского, называя его светлостью, хотя никогда нами оным не был пожалован, то повелеваю вам взять ваши меры, дабы никому не были даваемы титла, нами не утвержденные»⁵.

Напомним, что 8 августа 1799 г. Сенату был дан именной указ следующего содержания: «Для сохранения памяти в предъидущих веках великих дел генерал-фельдмаршала нашего графа Суворова-Рымникского [...], и в знак признательности нашей пред целым светом жалуем ему [...] знаменитое достоинство князя Российской империи с титулом Итальянского, распространяя оное на всех его потомков мужского и женского родов, повелевая ему быть и писаться князем Итальянским, графом Суворовым-Рымникским»⁶. Как видим, о форме титуло-

вания в указе ничего не сказано, на первое же место среди причин пожалования поставлено увековечение «памяти великих дел» Суворова для потомства. Действительно, близкое окончание земного пути весьма престарелого полководца сознавали все, включая его самого. Сохранение же в веках наследниками Александра Васильевича почетного титула Италийского являлось настоящим «памятником нерукотворным» победам русских войск в 1799 г.

Заслуживает внимания реакция на это событие современников. 12 августа 1799 г. П.В.Завадовский сообщал в письмах из Петербурга Александру и Семену Романовичам Воронцовым: «При молебне за Мантую читан был похвальный указ о знаменитых делах графа Суворова, за которые пожалован князем империи Российской и проименован Италийский. [...] Удовольствовано честолюбие российского Аннибала досыта. [...] Проименование сие распространено на все его потомство, чего ни Румянцов, ни Сципионы не имели»⁷. Действительно, передача по наследству почетного титула произошла в России впервые: наследники А.Г.Орлова-Чесменского, П.А.Румянцева-Задунайского, В.М.Долгорукова-Крымского не имели права на почетную удвоенную фамилию. Тем более не было ее у потомков победителя Карфагена, древнеримского полководца Сципиона Африканского, по примеру которого в эпоху классицизма производились подобные пожалования. Именно это уникальное обстоятельство и обратило на себя внимание в то время, вопрос же со «светлостью» остался незамеченным.

Однако его поставил сам император, как это видно из цитированного выше повеления генерал-прокурору. Во исполнение высочайшего распоряжения А.А.Беклешов в первых числах декабря 1799 г. разослал губернаторам, начиная с Санкт-Петербурга и Москвы, предписания о том, «что его императорское величество, сведав, что от некоторых чиновников в письмах употребляется титул,

не принадлежащий князю Италийскому графу Суворову-Рымникскому, его светлости, высочайше повелеть соизволил, чтобы впредь сего указом неутвержденного титула не давалось.» В губернских же правлениях «приказали: списать списки с предписания г. генерал-прокурора, разослать в ...подчиненные места здешней губернии к исполнению высочайшей воли... для сведения чрез кого следует о том здесь объявить»⁸.

Надо полагать, что именно после «распубликования» генерал-прокурорского отношения в обществе могло возникнуть недоумение, тем более что в этих тонкостях тогда еще не привыкли разбираться – до 1799 г. титул светлейшего князя Российской империи получили лишь четыре человека, причем А.Д.Меншиков и Д.К.Кантемир еще при Петре I⁹. Разъяснения последовали со стороны давнего доверенного лица А.В.Суворова при дворе, его племянника, генерал-прокурора Синода графа Д.И.Хвостова. Последний изложил их в специальной записке, опубликованной еще в 1900 г., но практически не замеченной исследователями¹⁰. Хотя документ не датирован, но исходя из текста создание его можно отнести к декабрю 1799 г. Судя по всему это записка для памяти, появление которой вызвано возможно тем, что «историю о светлости князя Суворова» приходилось часто разъяснять в письмах.

С учетом изложенных Хвостовым обстоятельств дело выглядит следующим образом. На протяжении XVIII в. в вопросе княжеского титулования регламентации не существовало, но по примеру Священной Римской империи князья именовались светлостями, в том числе и в официальных документах. Происходило это явочным порядком, также как и присвоение русскими дворянами других атрибутов западноевропейского благородного сословия¹¹. Поскольку титулами имперских князей в царствование Екатерины II были пожалованы такие люди как Г.Г.Орлов, Г.А.Потемкин, А.А.Безбородко, П.А.Зубов, то никаких вопросов из-за подражания им не

возникало. Впервые форму титулования оговорил 5 апреля 1797 г. Павел I, когда, при пожаловании А.А.Безбородко в князя Российской империи, в указе «присовокупил: «с титулом светлости». Ставший князем 19 января 1799 г. П.В.Лопухин в течение месяца «после пожалования своего не пользовался титулом светлости, доколе на сие не последовало особаго высочайшаго указа». Последний из пожалованных Павлом князей, армянский патриарх Иосиф Аргутинский-Долгорукий, титула светлости не получил¹².

Из всего этого можно заключить, что по мнению Павла I указанный титул был не просто приставкой, но следующей, высшей ступенью после князя Российской империи и автоматически принадлежал лишь тем лицам, которые уже являлись князьями Священной Римской империи. В целом такая градация княжеского достоинства сохранялась затем вплоть до отмены титулов в России¹³. Но А.В.Суворов был лишь имперским графом, пожалованный же ему сардинский княжеский титул права на светлость не давал, поскольку это итальянское королевство в Священную Римскую империю германской нации не входило. Надо сказать, что А.В.Суворов, вопреки распространенному мнению о равнодушии его к внешним знакам отличия, с 1796 г. пребывал в обиде на то, что император Священной Римской империи не пожаловал его, наряду с фаворитом Екатерины II П.А.Зубовым, княжеским титулом за заслуги в победе над Речью Посполитой в 1794 г. 24 июля 1799 г. полководец писал российскому послу в Вене А.К.Разумовскому, явно намекая на желательность такой награды: «Граф Андрей Кириллович! Сардинский король пожаловал мне диплом своего гранд-маршала, князя и кузена в знак награждения. От Венского двора щедро меня за Лодомирию, Галицию и Краков [земли, полученные Австрией по третьему разделу Польши 1795 г.]в князь Платоне Зубове наградили»¹⁴.

Эти кажущиеся сейчас несущественными обстоятельства имели большое значение для российского

императора, о котором один из современников-придворных вспоминал: «Страсть Павла к церемониям почти равнялась его страсти к военщине»¹⁵. По мнению исследователей личности Павла Петровича соблюдения церемониала и этикета он добивался с той же требовательностью, что и любого своего важнейшего распоряжения¹⁶. Упорядочивая, регламентируя, придавая особое значение геральдике, системе титулов, орденов, другим внешним формам корпоративных отличий благородного сословия, император преследовал цель «поднятия сословного духа российского дворянства»¹⁷.

Между тем писанного правила, четкой инструкции о пожаловании титула светлости князьям Российской империи в 1799 г. не существовало. По свидетельству А.А.Беклешова «...в самую минуту пожалования он докладывал государю: какой титул князю Италийскому приписать? и получил ответ – сиятельства...». Однако в указе это устное распоряжение генерал-прокурору зафиксировано не было. Поэтому например сам Д.И.Хвостов «...соображаясь пожалованию князя Безбородко и князя Лопухина, между собою различному, титуловал дядюшку сиятельством, что почти непрерывно и продолжал, хотя здешний почт-директор удостоверял меня, что в высочайших рескриптах он титулуется светлостью». Такой разноречивой продолжался три с лишним месяца, пока наконец «...государственная Военная коллегия, сделав по высочайшему указу титул полный генералиссимусу и соображаясь в оном титулу покойного князя Меншикова [Александра Даниловича], который был светлостью, титуловала и князя Италийского светлостью и поднесла на утверждение. Государь император сей титул конфирмовал во всех частях, но за светлость Ламбу [вице-президенту Военной коллегии] попенял, и вот отчего вышло генерал-прокурорское отношение ...ибо ему и приказано было во все команды сию высочайшую волю дать знать»¹⁸.

Подводя итог «истории о светлости князя Суворова» на наш взгляд остается только присоединиться к

мнению Д.И.Хвостова: «До генералиссимуса сие лично не относится...». Жалую полководцу столь почетный титул Павел I был вполне искренен в своих побуждениях и действовал строго в рамках законности, как он ее понимал. Однако в записке Хвостова содержится еще одно любопытное свидетельство: он слышал, что Суворову уже «готовят грамоту с титулом светлости». Не исключено, что новое пожалование ждало генералиссимуса в Петербурге и могло стать составной частью триумфа, ожидавшего полководца по въезде в столицу. Однако это – тема отдельного исследования.

¹ Сжатый обзор мнений о причинах «последней опалы» Суворова в 1800 г. см.: Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I // Вопросы истории. 1993. №4. С.127.

² М.В.Г. «Жаль!» (К столетней годовщине со дня смерти Суворова) // Вестник всемирной истории. 1900. №6. С.217.

³ Оценку этой работы см.: Кавтарадзе А.Г. А.В.Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. Сб. ст. – М., 1980. С.54-55.

⁴ Осипов К. Суворов. – М., 1938. С.366-367.

⁵ Его же. Александр Васильевич Суворов. – М., 1955. С.275.

⁶ Цит. по: Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / Сост. А.Гено, С.Томич. – СПб., 1901. С.222.

⁷ Архив князя Воронцова. – М., 1877. Кн.12. С.233-234.

⁸ Русская старина. 1877. Т.19. №5. С.154; 1901. Т.107. №7. С.30.

⁹ Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. – СПб., 1889. С.3, 5, 23, 27.

¹⁰ Русская старина. 1900. Т.102. №5. С.336-337.

¹¹ По свидетельству современника уже во второй половине 1730-х гг. в России «... немного найдется князей, которые не несли бы [в гербе] короны имперского фюрста» (Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. – СПб., 1997. С.151).

¹² Там же. С.336; Список пожалований... С.23, 27, 35; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – Л., 1991. С.54, 55-56.

¹³ Там же. С.57-59.

¹⁴ А.В.Суворов. Письма / Изд. подг. В.С.Лопатин. – М., 1986. С.347, 678.

¹⁵ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. – М., 1912. С.143.

¹⁶ Сорокин Ю.А. Российский император Павел I. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. – Томск, 1989. С.17.

¹⁷ Агафонова Е.А. «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». К истории создания и публикации // 275 лет Гербоводческой службы России. Материалы конференции. – СПб., 1997. С.3.

¹⁸ Русская старина. 1900. Т.102. №5. С.337.

Ю.М.Пирютко
Государственный музей
городской скульптуры

Благовещенская усыпальница – первый пантеон России

Понятие Пантеона в истории европейской культуры связано с античным храмом в Риме, где в первые века христианства хоронили мучеников, а со времен Возрождения было погребено несколько выдающихся деятелей итальянской культуры и истории (в частности, Рафаэль и первый король объединенной Италии Виктор Эммануил). Название римского Пантеона перешло на специально избранные места почетных погребений людей, чьи заслуги отмечаются подобным образом. Так в годы Великой французской революции храм св.Женевьевы в Париже стал называться Пантеоном, когда там был торжественно перезахоронен прах Вольтера и Руссо, похоронен Марат и другие революционные деятели. Идея Пантеона повсеместно распространена в европейских странах Нового времени. Так, например, Пантеоном Англии является Вестминстерское аббатство, где рядом с усыпальницей английских королей похоронены виднейшие ученые, писатели, политические деятели страны.

По-видимому, именно английский пример стал определяющим для Петра I, основавшего Александро-Невский монастырь. В допетровской Руси царей Московских хоронили в Архангельском соборе, цариц в Чудовом монастыре, митрополитов и патриархов в Успенском соборе Московского Кремля. Погребения лиц иного ранга в Кремле не допускались. В монастырях хоронили по обету, с богатыми вкладами, не принимая во внимание особое значение того или иного лица, как, например, бояр Романовых в Ново-Спасском монастыре.

Преобразователь России явно предполагал соединить в одной усыпальнице погребения лиц, принадлежащих к царской (с 1721 г. императорской) фамилии, и выдающихся государственных, военных и церковных деятелей, похороны которых именно в этом месте служили подтверждением их выдающихся заслуг. Первые погребения, проведенные здесь по повелению царя, убеждают, что основатель нашего города видел в Александро-Невском монастыре национальный Пантеон России.

Вряд ли Петр Великий считал возможным устройство царской усыпальницы в том самом соборе, под колокольной которого был в 1718 г. похоронен ненавистный ему царевич Алексей Петрович, замученный в Петропавловской крепости. Не здесь, а в Александро-Невском монастыре Петр похоронил в 1717 г. любимую сестру Наталью Алексеевну, в 1719 г. – царевича Петра Петровича, официально провозглашенного престолонаследником, в 1723 г. – царицу Прасковью Федоровну. И, в то же время, по повелению царя и в его присутствии в монастыре был похоронен в 1719 г. фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, прах которого, даже вопреки завещанию полководца, перевезли из Москвы в Петербург. В 1718 г. были похоронены полковник А.М.Головин и лейб-медик Р.Арескин, в 1720 г. – генерал А.А.Вейде и князь Я.Ф.Долгоруков. Похороны людей, близких Петру, героев Северной войны, проходили по траурному церемониалу, специально разработанному царем. Для Петра не казалось существенным погребение рядом лиц, принадлежавших к разным вероисповеданиям, что чуждо православной традиции.

Каменная Благовещенская церковь (1717–1724, арх. Д.Трезини, Т.Швертфегер) строилась как усыпальница, с заранее подготовленными двадцатью одним могильным местом под полом. Еще до окончания строительства в 1723 г. здесь была похоронена царица Прасковья, а затем перенесен из Лазаревской церкви прах сестры и дочери Петра I. О составе и облике надгробий

периода до 1770-х гг. можно судить, главным образом, по письменным источникам. Архитектурные и скульптурные памятники стали ставить лишь во 2-й пол. XVIII в. До 1791 г. полы в усыпальнице были деревянные, и надгробия, вероятно, представляли собой пристенные мемориальные доски-эпитафии (подобно сохранившимся эпитафиям П. Ягужинского и А. Апраксина).

С погребением Петра I в Петропавловском соборе, за Благовещенской усыпальницей в лавре сохранилось значение своего рода резерва, предназначенного для тех царских родственников, похороны которых в императорской усыпальнице казались неуместны. Однако в том же 1733 г., когда, наконец, прах Петра I и Екатерины I был предан земле, в Александро-Невском монастыре похоронили родную сестру царствовавшей императрицы Анны Иоанновны: Екатерину, герцогиню Мекленбургскую. Позднее сюда же из Холмогор был привезен прах правительницы Анны Леопольдовны, жертвы дворцового переворота 1741 г., а в 1762 г. был погребен свергнутый император Петр III. По-видимому, окончательное осознание особого статуса императорской усыпальницы – Петропавловского собора – принадлежало лишь Павлу I, начавшему свое правление с переноса из монастыря в крепость праха отца. Всего в Благовещенской усыпальнице похоронено 8 лиц императорской фамилии; последняя – дочь императора Александра I Елизавета, скончавшаяся в 1808 г.

Можно добавить, что в этой же усыпальнице похоронен ряд лиц, имевших родственные связи с царской фамилией: племянницы Екатерины I гр. М.С.Глебова (рожд. гр. Гендрикова) и Е.К.Корф (рожд. гр.Скавронская); кн.А.Ф.Ромодановская (рожд. Салтыкова), сестра царицы Прасковьи Федоровны; гр. А.П.Апраксин, племянник царицы Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича. Тайный супруг императрицы Елизаветы Петровны, граф А.Г.Разумовский, так же нашел в 1771 г. здесь вечное упокоение.

Во времена Анны Иоанновны в усыпальнице похоронены генерал-прокурор Сената и кабинет-министр гр.П.И.Ягужинский, не менее известный сподвижник Петра Савва Владиславич (гр. Рагузинский), дочь светл.кн. А.Д.Меншикова Александра, бывшая женой брата временщика Бирона. При Елизавете Петровне – генерал-фельдмаршал, “верховник” кн. В.В.Долгоруков, начальник Тайной канцелярии гр. А.И.Ушаков, известный проповедник и церковный писатель митрополит Сильвестр (Кулябка). Особенно многое напоминает здесь о славном веке Екатерины Великой. Генерал-фельдмаршал кн. А.М.Голицын, генерал-прокурор Сената кн.А.А.Вяземский, президент Адмиралтейской коллегии фельдмаршал гр.И.Г.Чернышев, И.И.Бецкой, гр.И.И.Шувалов, гр. Н.И.Панин, гр. А.А.Безбородко. Памятники этого времени представляют собой настоящие произведения монументального искусства: скульптурные аллегорические композиции, разнообразные архитектурные формы в стиле русского классицизма.

Приведенный перечень имен, вошедших в российскую историю XVIII века, убеждает в закономерности погребения Александра Васильевича Суворова, принявшего крещение в память Александра Невского, в монастыре, посвященном его небесному покровителю. В той самой Благовещенской усыпальнице, значение которой, как Российского Пантеона, было осмыслено основателем монастыря, Петром I.

В начале 1820-х гг., в связи со строительством Духовской церкви-усыпальницы и отсутствием достаточного места для погребений в Благовещенской церкви, значение последней, как Пантеона, потеряло актуальность. Это не относится к характеристике некрополя Александро-Невской лавры в целом, где на территории трех монастырских кладбищ и в пяти церквях-усыпальницах было похоронено в течение двух столетий множество выдающихся людей.

Среди надгробий в музейном некрополе, напоминающих о великом русском полководце и его окружении, необходимо, в первую очередь, отметить памятник любимцу Суворова, участнику Итальянского и Швейцарского походов графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу (1771–1825). Прах военачальника был перенесен в Благовещенскую усыпальницу в 1937 г. из Духовской церкви. Из той же усыпальницы, разоренной в 1930-е гг., происходит памятник генералу Григорию Семеновичу Волконскому (1742–1824), также бывшему ветераном суворовских походов. На Лазаревском кладбище был похоронен генерал Яков Иванович Повало-Швейковский (1750–1807), принимавший участие в Швейцарском походе. Родственники генералиссимуса: литератор Алексей Васильевич Олешев (1724–1788), женатый на сестре Суворова Марии Васильевне, и сын другой его сестры, Анны Васильевны, князь Алексей Иванович Горчаков (1769–1817) дополняют перечень «суворовских» памятников в некрополе.

А.Б.Богданов

Государственный мемориальный
музей А.В.Суворова

Александр Суворов – мещанский стрелок городов Богемии

Среди многочисленных почестей, отданных народами европейских государств генералиссимусу А.В.Суворову в 1799 – 1800 годах, встречаются и зачисления его в число стрелков мещанских сотен городов чешской области Богемия.

Мещанские вооруженные городские отряды на территории Западной Европы ведут свою историю, начиная со средневековья. В период феодальной раздробленности и роста городов, причем, последний процесс сопровождался усилением независимости и привилегированности городских цеховых организаций, городам необходимо было обороняться от многочисленных вооруженных нападений. Стремившиеся освободиться от зависимости феодалов-сюзеренов города, а так же города, получившие статус «вольных» (например, входившие в союз «Ганза»), вынуждены были обращаться за помощью к отрядам наемников (пример кондотьеров в Италии) или формировать собственные городские отряды¹. Последние отряды, изначально цеховые, с усилением централизованной власти в той или иной стране – для Богемии таким периодом явилось вхождение ее территорий в состав Священной Римской империи (Австро-Венгрии), сохраняются, но функционально становятся некими почетными организациями. В конце XVIII века отряды мещанских стрелков сохраняются, но, зачастую, уже в виде стрелковых обществ. Принятие частного лица в подобный отряд осуществлялось, как правило, если неофит являлся жителем данного города (обычно почетный бюргер или его молодой сын). Принятие же «в мещанские стрелки» жителя иного города, тем более

иностранца, было крайне редким явлением и свидетельствовало о незаурядных заслугах подобного человека перед городом или страной.

Уникальный прецедент принятия иноземца в число мещанских стрелков сразу трех городов Богемии² связан непосредственно с именем Александра Васильевича Суворова. Известно, что возвращаясь из Швейцарского похода, генералиссимус, в числе других населенных пунктов проследовал через богемские города Пильзен, Гогенмаут и Высокое Мыто.

Первым городом, мещанским стрелком которого стал А.В.Суворов, является Пильзен³. Полководец прибыл в Пильзен 5 (16) декабря 1799 года и в тот же день отправил письмо австрийскому фельдмаршалу Меласу⁴. О самом факте принятия Суворова в «пильзенские мещанские стрелки» сведения приводятся только в связи с аналогичным событием в городе Гогенмаут. 9 (21) марта 1800 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали из Праги от 17 февраля, что выехав из Праги, Суворов проезжал через богемский город Гогенмаут и был встречен пушечной пальбой, мещанские девицы поднесли ему лавровый венок. А.В.Суворов благосклонно принял венок, надел его на голову, поцеловал дарительниц и «выражая признательность городу, вписал себя в роспись мещанских стрелков (как и в Пильзене) и приложил свою княжескую печать»⁵. Следует утверждать, что по прибытии в Гогенмаут Суворов в тот же день стал мещанским стрелком города, по аналогии с этим фактом возможно предположить, что именно 5 (16) декабря 1799 года генералиссимус становится стрелком города Пильзена.

Воскресное приложение к «Московским ведомостям» – «Современная летопись», в 1866 году публикует⁶ сенсационный материал о вступлении А.В.Суворова в «общество стрелков» города Высокое Мыто (Hoch Mauth). Автор статьи «Суворов в чешском городе Высокое Мыто», некий А.Д., совершил в данной публикации

достаточно серьезную неточность – этот город был определен им как «моравский». Само определение «чешский город», заявленное А.Д. в названии статьи, исключает причисление Высокого Мыта к моравским городам, т.е. входившим в состав маркграфства Моравия⁷. Тем более, что в перечне богемских городов, Высокое Мыто определено как населенный пункт в юго-восточной Чехии⁸. Несмотря на допущенную ошибку, вышеназванная статья представляется ценным источниковедческим материалом, поскольку ее автор приводит подлинные записи, лично выписанные им из альбома местного общества стрелков, о приеме А.В.Суворова в эту организацию.

На заглавном листе альбома изображение Суворова, под которым латинское изречение «Vivat heros intrepidus, qui moenia vicit et hostes» («Слава неустрасимому герою, гостю города»⁹). На втором листе запись о приеме Суворова в члены общества «Souwarov generalissimus de bravio certantibus incorporatur» («Генералиссимус Суворов действительно вступил в общество», иначе «...награжден настоящим зачислением»).

Третий лист альбома занят перечислением титулов полководца¹⁰, здесь же его собственноручная подпись и дата вступления в общество (на немецком языке) «Ein getragen 1-ten Februarj Ao 1800» («Подписано 1 февраля 1800 года»). На обороте данного листа подписи (на немецком языке) сопровождавших А.В.Суворова лиц: коллежского асессора Петра Кайсарова (Col. Ass. Peter v. Kayssarow), Федора Вроншони́на (Theodorus a Wrontschonin, sic!), Ник. Старинкевича (Nic. v. Starinkewitsch), коллежского асессора Владимира (фамилия неразборчива, Col. Ass. Wladimir). Кроме того, здесь имеется одна подпись на русском языке «Достойнейшей внимания почтенный старык 37-егерского полка капитан Липинский».

На основании указанной даты – 1 февраля 1800 года, возможно предположить, что А.В.Суворов стал «стрелком» города Высокое Мыто до зачисления в «стрелки» Гогенмаута. Генералиссимус выехал из Праги

не ранее 17 (28) января 1800 года, а 4 (16) февраля 1800 года А.В.Суворов уже находился в моравском городе Вишау, о чем сообщили 6 (18) марта 1800 года «Санкт-Петербургские ведомости», ссылаясь на известие из Брина от 12 (24) февраля¹¹. События в Гогенмауте могли произойти в период с 22 января (2 февраля) по 3 (15) февраля 1800 года.

На четвертом листе альбома, на латинском языке, описание принятия А.В.Суворова в члены общества стрелков¹². Из данного описания следует, что русские войска посетили Высокое Мыто, А.В.Суворов ночевал в доме № 97 и был принят в общество стрелков графом Коловратом Краковским. Позже, на этом доме была установлена мемориальная доска, о чем сообщала газета «Правда» 7 июля 1946 года¹³.

На обороте четвертого листа приведено стихотворение, в котором прославляется А.В.Суворов и выражается политическая позиция его почитателей из города Высокое Мыто.

«Ut vivat Rex

Absit a nobis Gallica fex

Maneat Dei lex !»

(Сколь славен Покровитель

Посрамивший галльских подонков

Вернувший Закон Бога !)

На листах №№ 5 – 9 значатся имена руководителей стрелкового общества, имевших общее звание «протектор». Среди них участники приема А.В.Суворова в общество: «consul urbeus» Антоний Павловский («городской консул») и «vir consularis» Ян Навотный («муж консулярий»¹⁴).

Последняя запись в альбоме сделана на немецком языке. Согласно изложенных в ней сведений, первый районный комиссар и кавалер Йозеф фон Пехе подтверждал, что возвращавшийся с берегов Рейна российский армейский корпус генерал-лейтенанта графа Ермолова, внесшего некий вклад в город (предположительно, имеется в виду плата за постой, продовольствие и фураж –

А.Б.), получил позволение расположиться на временный отдых в «здешних местах». Пехе подтвердил также, что отдых произошел без эксцессов¹⁵.

Следует считать, что данная запись сделана осенью 1815 года, когда гренадерский корпус под командованием А.П.Ермолова возвращался в Россию, следуя из Парижа в Краков. Ермолов писал: «Дошедши с гренадерским корпусом на возвратном пути до Царства Польского, я поехал в Варшаву»¹⁶. 15 ноября 1815 года генерал Ермолов, еще в Париже испросивший увольнение в отпуск по болезни, сдал в Кракове командование корпусом И.Ф.Паскевичу¹⁷. Предположение, что данная запись относится к вышеуказанному периоду, подтверждается тем, что в 1799 – 1800 годах в корпусе А.В.Суворова генерал Ермолов не значится¹⁸.

Несомненной ошибкой Й.Пехе является титулование А.П.Ермолова графом, этим достоинством последний не обладал. Известно и отношение Ермолова к титулам: «Боже избави, если меня вздумают обезобразить графским титулом»¹⁹.

Города Богемии отметили заслуги А.В.Суворова принятием его в «мещанские стрелки». Любопытно сравнить, как чествовали полководца в Моравии. Например, в городе Вишау Суворова встретили высшие должностные лица, под звуки труб и литавр. Генералиссимус дал званый обед, на котором сам пил за здоровье российского и австрийского императоров. Дети города Вишау, возглавляемые детьми местного оберамтмана, исполнили под музыку посвященную Суворову кантату и преподнесли ему в дар «плоды». Растроганный полководец расцеловал всех детей, усадил их за стол и каждому мальчику давал пить из своей рюмки. Полтора часа Суворов рассказывал детям о необходимости жить добродетельно и благочестиво. Затем приказал упаковать в багаж экземпляр «кантаты» и подарил каждому ребенку по своему гравированному портрету²⁰. На прощание А.В.Суворов вновь облобызал каждого ребенка и благо-

словил, перекрестив²¹. На час более обычного Суворов задержался за обеденным столом в тот день, по причине, им самим поясненной: «Сегодня, самые приятнейшие у меня за столом гости. О невинность! и я, любезные мои дети, скоро на вас буду походить; вы для меня столь приятны, что не могу я с вами расстаться»²².

О привычном для А.В.Суворова в то время распорядке дня мы можем судить по запискам Якоба Густава Делагарди, часть которых была опубликована А.А.Чумиковым в «Русской старине»²³. Я.Г.Делагарди, в 1799 – 1800 гг. чрезвычайный посланник Швеции при венском дворе, в достаточной мере имел возможность общаться с Суворовым. По его сведениям, А.В.Суворов вставал в 2 – 3 часа ночи и выпивал стакан портеру (закусывая ветчиной или копченым мясом), завтракал в 6 часов утра, в 7.30 шел к обеду. В 8.30 садился обедать, отдыхал с 12 до 14 часов, в 17 часов садился ужинать, в 19 – 20 часов ложился спать «и был неутомим». Ориентируясь на данный распорядок, возможно предположить, что обед в Вишау происходил между 8.30 и 13.00. В заключение следует отметить, что изучение сведений, подобных вышеперечисленным, способствует уточнению датирования пребывания А.В.Суворова в различных населенных пунктах Западной Европы и дает представление об отношении народов европейских стран к прославленному генералиссимусу (в конце XVIII века).

²¹ См. Ясинский А. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Т.1. – б/м, 1901.

²² Богемия (Bohemia) – латинское название территорий Чехии, бытовало в Священной Римской империи. Богемия непосредственно входила (в т.ч. в 1799 – 1800 годах) в Цислейтанскую часть Австро-Венгрии и имела статус «коронной земли». См. Ясинский А. Чехия. // Энциклопедический словарь Брокгауз – Ефрон. Т. XXXVIII «а» (76). – СПб., 1903. С. 749.

²³ Центр западной Чехии. См. В.Навотный. Чехословакия. // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е издание. Т.48. – М., б/г. С.339.

⁴ А.В.Суворов. Письма. – М., 1986. С.373.

⁵ См. Петербургская старина (Новости, объявления и распоряжения правительства). 1800 г.// Русская старина. 1887. Т.LVI. С.202.

⁶ А.Д. Суворов в чешском городе Высокое Мыто. // Современная летопись. 1866. № 5. С.11.

⁷ Ясинский А. Чехия. С.753.

⁸ В.Навотный. Чехословакия. С.340.

⁹ Здесь и далее переводы автора.

¹⁰ А.Д. не уточняет каких именно. – А.Б.

¹¹ Петербургская старина. С.201.

¹² «Dum remeat a Rheno ad propria exercitus caesareo russicus, pernотante in Urbe, domoque curiae vicina N 97 eorumdem Heroe a compluribus victoriis glorioso, qui primus praesenti albo nomen suum nanu propria inscripserat praesente Illustrissimo D.D. Phil. S. P.T. comite a Kolowrat Krakowsku, caesareo regio camerario, actuali guberniali assessore Regiarum Dotalium Urbium Regni Bohemiae, regio subcamerario, caesareorussici principis Suwarowii Italicku exercitus supremo Regni commissario, qui protectoratum nostrae societatis jaculatoriae in se suscipere etc».

¹³ Мемориальная доска в память пребывания Суворова в Вишау Мито (Чехословакия) // Правда. 1946, 7 июля.

¹⁴ Лицо с рангом консула, преимущественно бывший консул. См. И.Х.Дворецкий. Латинско-русский словарь. 3-е издание. М., 1986. С.191.

¹⁵ «Ich Ioseph Peche, erster K.R.Kreiscomissar, bestatigen, dass die hiesige Schutzen-gesellschaft waehrend des Durchmarsches des unter dem Commando des K. russischen General-Lieutenant Grafen v. Germolof auf gezogenen Armee-corps durch ihre gute Dienste viel beigetragen habe, dass in dieser Stadt, waehrend dez fur die K. Russische Truppen hierorts vergonnte Rastzeit, kein Excess (?) entstanden sei. Ritter von Peche».

¹⁶ Записки А.П.Ермолова 1798 – 1826. – М., 1991. С.268.

¹⁷ В.А.Федоров. А.П.Ермолов и его «Записки».// Записки А.П.Ермолова. С.9.

¹⁸ См. роспись российским войскам по: Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т.III. – СПб., 1857. С.78, 81–95, 534–536, 547–548, 554–555.

¹⁹ В.А.Федоров. Указ. соч. С.14.

²⁰ Не удалось установить, что это за изображение.

²¹ Петербургская старина. С.202.

²² Там же. С.201.

²³ Деллагарди Я.Г. Фельдмаршал Суворов в Праге в 1800 году.
// Русская старина. 1876. Т.XVII. № 12. С.832–834.

Ю.Н.Гуляев

Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи

Рядом с Суворовым

(О совместной службе А.В.Суворова и
М.И.Кутузова)

В данной статье хотелось остановиться на совместной службе двух прославленных русских полководцев А.В.Суворова и М.И.Кутузова.

Вне всякого сомнения – жизнь и боевая деятельность А.В.Суворова и М.И.Кутузова – выдающиеся события в военной истории России. Об этом немало написано историками и особенно биографами обоих полководцев.

Несомненно и то, что самообытный талант А.В.Суворова, его прогрессивные необычные для того времени взгляды на ведение боевых действий, обучение и воспитание войск, веру в силы и возможности русского солдата, сама боевая деятельность оказали глубокое влияние на формирование личности М.И.Кутузова как офицера и военачальника, особенно в период их совместной службы.

Когда началась их совместная служба?

На это до недавнего времени не было однозначного ответа, начиная с момента выпуска М.И.Кутузова из Соединенной Артиллерийско-инженерной школы (АИШ) в феврале 1761 г.

По поводу того, куда был направлен юный М.И.Кутузов, существует два мнения.

Сторонники одного из них (Николай Полевой, Н.Ф.Дубровин, П.А.Жилин), утверждали, что после САИШ он прибыл в Астраханский пехотный полк¹.

Эта точка зрения повлекла за собой два других основных вывода: пребывание Кутузова в Астраханском пехотном полку было непродолжительным, до марта 1762 г. и что А.В.Суворов, вступив в командование этим полком в августе 1762 г. уже не застал в нем молодого офицера; следовательно первая их встреча по службе состоялась не в Астраханском пехотном полку, а позднее.

Другие, не менее авторитетные авторы (первый биограф Кутузова Ф.Синельников, М.Брагин, доцент Л.Н.Пунин), считали, что Михаил Илларионович сразу после дворянской школы был назначен флигель-адъютантом к Петербургскому и ревельскому генерал-губернатору Голштейн-Беку². Основанием для такого утверждения могли прежде всего послужить данные формулярного списка М.И.Голенищева-Кутузова, где в графе «какими чинами и когда проходил» записано, что после чина прапорщика он с 1 марта 1762 г. пребывал флигель-адъютантом у генерал-фельдмаршала принца фон Голштейн-Бека³ (в некоторых источниках значится даже дата 1 марта 1761 г., например, в военно-биографическом очерке Л.Н.Пунина). Однако, оба изложенных мнения оказались неверными. По данным, приведенным в приложении к пятому тому Сборника документов «М.И.Кутузов» и дополнительно выявленным уже в ходе дальнейшей работы авторского коллектива над архивными материалами установлено, что по приказу П.И.Шувалова от 28 февраля 1761 г. инженер-прапорщик Михаил Голенищев-Кутузов направлен в Инженерный корпус на освободившуюся вакансию вместо Михайлы Можарова, убитого в Сибирь с секретной экспедицией⁴. Через год, 1 марта 1762 г., состоялось новое назначение: приказом военной коллегии инженерного корпуса пра-

порщик М.Кутузов направлен флигель-адъютантом к петербургскому и ревельскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу фон Голштейн-Беку⁵.

Но через полгода штаб Голштейн-Бека расформируется. По представлению самого генерал-фельдмаршала, военная коллегия распределила флигель-адъютанта ранга капитанского Михаила Голенищева-Кутузова капитаном для определения в полк «здесьней команды»⁶.

Таким образом, 21 августа 1762 г. М.И.Кутузов производится в капитаны и назначается командиром роты в Астраханский пехотный полк, в командование которым 31 августа того же года вступил тридцатидвухлетний полковник А.В.Суворов⁷.

Совместная служба с А.В.Суворовым в Астраханском пехотном полку продолжалась семь месяцев: в апреле 1763 г. полковник А.В.Суворов высочайшим указом назначен командиром Суздальского пехотного полка. На всю свою жизнь молодой офицер унаследовал от А.В.Суворова твердое убеждение, что главная сила русской армии в ее солдате, и что, завоевав доверие и любовь солдат, можно требовать от них высшего напряжения на войне и победы в боях.

Примечательная характеристика, данная А.В.Суворовым капитану М.И.Кутузову в феврале 1763 г. и утвержденная петербургским обер-комендантом генерал-поручиком И.И.Косториным: «В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинские экзерцицы обучает порядочно и в сему тщение имеет, лениности ради больным не репертовался и во всем ведет себя так, как честному обер-офицеру надлежит, и как по чину своему опрятен, так и никаких от него не порядков не происходит..., чего ради по усердной его службе к повышению чина был достоин»⁸.

Ни один из биографов и исследователей не обходят период 70–80-х годов, когда Кутузов в течение 8 лет командовал легкоконными полками, а Суворов проходил службу в Крыму и на Кубани и оба они участвовали в присоединении Крыма к России.

Вот как описывает П.А.Жилин этот период:

«Возвратившись с 1777 из-за границы, М.И.Кутузов получил назначение в войска А.В.Суворова. Около шести лет находился он под начальством тогда уже знаменитого полководца, являясь его деятельным помощником. Суворов возлагал на Кутузова ответственные задачи по укреплению и охране Крымского побережья. Ему же он поручал ведение переговоров с ханом. В эти годы Кутузов основательно проходит суворовскую школу обучения и воспитания войск...

Учитель высоко ценил своего талантливого ученика. По ходатайству Суворова Кутузов был произведен в полковники и назначен командиром Луганского пикинерного, а затем Мариупольского легкоконного полка»⁹.

Долгое время эта точка зрения была доминирующей и не вызывала возражения.

Однако, анализ архивных документов, приведенных в сборниках документов о деятельности А.А.Суворова¹⁰, М.И.Кутузова¹¹ и о присоединении Крыма к России¹², показал, что она нуждается в серьезной коррективе.

Во-первых, о назначении в войска А.В.Суворова.

Вернувшись из зарубежной поездки в Петербург, М.И.Кутузов 28 апреля 1777 г. получает назначение на свободную вакансию в Луганский пикинерный полк¹³, располагавшийся в Новороссийской губернии и подчиненной Г.А.Потемкину — командующему всей легкой конницей. А.В.Суворов с января по июль 1777 г. находится в Крыму. Ко-

мандует Крымским корпусом¹⁴. Ему подчинены гусарский, Ахтырский, Чугуевский казачий полки, 100 донских казаков, Рязский и Орловский пехотные полки, гренадерский батальон и 4 пушки¹⁵.

Как видим, на момент прибытия М.И.Кутузова к месту назначения Луганский пикинерный полк не входил в число войск, подчиненных Суворову. Позднее, в 1778 г. для усиления войск в Крыму к А.В.Суворову поступают полки легкой кавалерии, состоящие на Днестре. Что это за части? Таганский кавалерийский полк (5 эскадронов), гусарские Харьковский и Ахтырский полки (по 3 эскадрона)¹⁶. Но среди них опять нет Луганского пикинерного полка. Он находится в это время недалеко от Новомиргорода в пос. Каменка на новой Днестровской пограничной линии¹⁷, подчинен генерал-поручику Антону Богдановичу Де-Бальмену¹⁸ и продолжает там оставаться до 1783 г., что довольно далеко от Крыма.

28 июня 1777 г. указом Екатерины II подполковник Михаила Голенищев-Кутузов произведен в полковники, а 10 июля того же года назначен командиром Луганского пикинерного полка¹⁹.

Таким образом, Кутузов в 1777 г. и до 1783 г. не был направлен в войска Суворова, он не был подчинен ему, а посему Суворов просто не мог представлять Кутузова к очередному воинскому званию и к назначению командиром Луганского пикинерного, а затем и Мариупольского легкоконного полка (в 1783 г.). По этой же причине Суворов не мог ходатайствовать о присвоении Кутузову воинского звания бригадир в 1782 г.

С 20 мая по 29 октября 1783 г. М.И.Кутузов, как записано в его формулярном списке, оказывается «внутри Крыма»²⁰. Он участвует в присоединении Крыма к России. Эта задача, как известно

возложена на Крымский корпус, которым в 1783 г. командует генерал-поручик А.Б.Де-Бальмен.

А.В.Суворов с 27 сентября 1782 г. и вплоть до конца 1784 г. командует Кубанским корпусом²¹, ему предписано занять войсками укрепление бывшей Кубанской линии; он подавляет в усмирении мятежников, но в Крыму и М.И.Кутузов, назначенный в Крым помощником генерала-поручика А.Б.Де-Бальмена, но уже в должности командира бригады²².

За восстановление «тишины и спокойствия» в Крыму М.И.Кутузов 24 марта 1784 г. провозводится в генерал-майоры.

Итак, по архивным документам установлено, что с 1777 г. и в течение 6 лет М.И.Кутузов ни одного дня не был в подчинении А.В.Суворова. По этой причине А.В.Суворов, в силу воинской субординации, не мог ходатайствовать ни о его назначениях, ни о присвоении очередных воинских званий, ни давать ему поручения дипломатического характера при ведении переговоров с крымским ханом Шагин-Гиреем. К слову, основная заслуга в успешном завершении переговоров с ханом Шагин-Гиреем и удалении его из Крыма принадлежала русскому резиденту при Шагин-Гирее надворному советнику Сергею Лазаревичу Лошкареву²³.

О школе обучения и воспитания.

16 мая 1778 г. Суворов издал приказ по Кубанскому корпусу. Им он командует в разное время:

С 16.01.1778 по 10.06.1779 гг. (весной и летом занят защитой Кубани и Тамани от возможных турецких десантов). В этот период Кутузов командует Луганским пикинерным полком. В приказе Суворов подвел итог своей деятельности на Кубани, подробно разбирает меры по организации службы, обучению войск, по сбережению здо-

ровья воинских чинов. В нем уже обозначились основные идеи «Науки побеждать».

Главная часть приказа: как строить каре, удобные в обороне и наступлении; как учить войска стрельбе и штыковому удару; как учить конницу атаке на саблях, казаков – атаке с дротиками-пиками.

Этот приказ по Кубанскому корпусу дошел чуть позже и до других частей, расположенных на юге России. Стал он большим подспорьем и для молодого командира полка М.И.Кутузова.

Общий итог: с 1777 по 1785 гг. Суворов и Кутузов находились недалеко друг от друга, практически участвовали в одних и тех же событиях, но об их совместной службе не могло быть и речи.

Совместная служба и боевая деятельность Кутузова и Суворова дала практические результаты. Она проявилась позднее, в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.: на Бугском рубеже, под Очаковым и особенно при штурме Измаила.

¹ Полевой Н. Русские полководцы. – СПб., 1845. С. 20; Дубровин Н. Князь Кутузов-Смоленский в 1812 г. С. 223; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И.Кутузов. – М., 1989. С. 15; Кутузов М.И. Документы. – М., 1952. Т. 1. С. VIII.

² Синельников Ф. Жизнь, военные и политические деяния его светлости, генерал-фельдмаршала кн. М.И.Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. 1. – СПб., 1913. С. 3; Брагин М. Кутузов. – М., 1920. С. 25; Пунин Л.Н. Фельдмаршал Кутузов. Воениздат. – М., 1957. С. 14.

³ Кутузов М.И. Документы. – М., 1952. Т. 1. С. 2.

⁴ Кутузов М.И. Сборник документов. – М., 1956. Т. V. С. 593.

⁵ Там же. С. 594–595.

⁶ Там же. С. 595.

⁷ Суворов А.В. Документы. – М., 1949. Т. 1. С. 6.

возложена на Крымский корпус, которым в 1783 г. командует генерал-поручик А.Б.Де-Бальмен.

А.В.Суворов с 27 сентября 1782 г. и вплоть до конца 1784 г. командует Кубанским корпусом²¹, ему предписано занять войсками укрепление бывшей Кубанской линии; он подавляет в усмирении мятежников, но в Крыму и М.И.Кутузов, назначенный в Крым помощником генерала-поручика А.Б.Де-Бальмена, но уже в должности командира бригады²².

За восстановление «тишины и спокойствия» в Крыму М.И.Кутузов 24 марта 1784 г. провозводится в генерал-майоры.

Итак, по архивным документам установлено, что с 1777 г. и в течение 6 лет М.И.Кутузов ни одного дня не был в подчинении А.В.Суворова. По этой причине А.В.Суворов, в силу воинской субординации, не мог ходатайствовать ни о его назначениях, ни о присвоении очередных воинских званий, ни давать ему поручения дипломатического характера при ведении переговоров с крымским ханом Шагин-Гиреем. К слову, основная заслуга в успешном завершении переговоров с ханом Шагин-Гиреем и удалении его из Крыма принадлежала русскому резиденту при Шагин-Гирее надворному советнику Сергею Лазаревичу Лошкареву²³.

О школе обучения и воспитания.

16 мая 1778 г. Суворов издал приказ по Кубанскому корпусу. Им он командует в разное время:

С 16.01.1778 по 10.06.1779 гг. (весной и летом занят защитой Кубани и Тамани от возможных турецких десантов). В этот период Кутузов командует Луганским пикинерным полком. В приказе Суворов подвел итог своей деятельности на Кубани, подробно разбирает меры по организации службы, обучению войск, по сбережению здо-

ровья воинских чинов. В нем уже обозначились основные идеи «Науки побеждать».

Главная часть приказа: как строить каре, удобные в обороне и наступлении; как учить войска стрельбе и штыковому удару; как учить конницу атаке на саблях, казаков – атаке с дротиками-пиками.

Этот приказ по Кубанскому корпусу дошел чуть позже и до других частей, расположенных на юге России. Стал он большим подспорьем и для молодого командира полка М.И.Кутузова.

Общий итог: с 1777 по 1785 гг. Суворов и Кутузов находились недалеко друг от друга, практически участвовали в одних и тех же событиях, но об их совместной службе не могло быть и речи.

Совместная служба и боевая деятельность Кутузова и Суворова дала практические результаты. Она проявилась позднее, в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.: на Бугском рубеже, под Очаковым и особенно при штурме Измаила.

¹ Полевой Н. Русские полководцы. – СПб., 1845. С. 20; Дубровин Н. Князь Кутузов-Смоленский в 1812 г. С. 223; Жилин П.А. Фельдмаршал М.И.Кутузов. – М., 1989. С. 15; Кутузов М.И. Документы. – М., 1952. Т. 1. С. VIII.

² Синельников Ф. Жизнь, военные и политические деяния его светлости, генерал-фельдмаршала кн. М.И.Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч.1. – СПб., 1913. С. 3; Брагин М. Кутузов. – М., 1920. С. 25; Пунин Л.Н. Фельдмаршал Кутузов. Воениздат. – М., 1957. С. 14.

³ Кутузов М.И. Документы. – М., 1952. Т. 1. С. 2.

⁴ Кутузов М.И. Сборник документов. – М., 1956. Т. V. С. 593.

⁵ Там же. С. 594–595.

⁶ Там же. С. 595.

⁷ Суворов А.В. Документы. – М., 1949. Т. 1. С. 6.

⁸ Кутузов М.И. Сборник документов. – М., 1956. Т. V. С. 597.

⁹ Жилин П.А. Кутузов. Воениздат. МО СССР. – М., 1979. С. 25.

¹⁰ Суворов А.В. Сборник документов. Воениздат. МО СССР. – М., 1949. Т. I. С. II.

¹¹ Кутузов М.И. Документы. Воениздат МО СССР. Т. I, 1950.

¹² Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. – СПб., 1885–1889. Т. I–IV.

¹³ Кутузов М.И. Документы. Т. I. С. 19.

¹⁴ Суворов А.В. Сборник документов. Т. II. С. 4.

¹⁵ Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Т. I. С. 405.

¹⁶ Там же. Т. I. С. 486.

¹⁷ Там же. Т. II. С. 613.

¹⁸ Кутузов М.И. Документы. Т. I. С. 23, 24.

¹⁹ Там же. С. 19, 20.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Суворов А.В. Сборник документов. Т. II. С. 247.

²² Петров А. К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. Военный сборник № 3, 1900. С. 8; Синельников Ф. Жизнь частная и характер его светлости генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. Ч. I. – СПб., 1814. С. 39.

²³ Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. – М., 1992. С. 73.

Д.В.Кудрявцев
Государственный мемориальный
музей А.В.Суворова

Память о Суворове в деятельности русской эмиграции (Материалы к истории)

В многогранной культурно-исторической деятельности русской эмиграции, суворовская тема занимает особое место. В то время, когда в родном отечестве имя А.В.Суворова было предано забвению, русские люди, оказавшиеся не по своей воле за пределами России, бережно хранили память о прославленном полководце.

Русской эмиграции, практически в полном объеме удалось сохранить все лучшее, что характеризовало отношение к памяти Суворова в дореволюционной России.

Наиболее организованную часть эмиграции составляли воинские организации, объединившие в своих рядах значительное число известных представителей Российской Императорской армии и флота. Для многих из них памятен был тот грандиозный размах торжественных мероприятий, проходивших по всей огромной территории Российской империи от Варшавы и до Порт-Артура в год 100-летия смерти Суворова в 1900 г., и тот живой интерес, который в начале XX века испытывало русское общество к личности и деятельности полководца.

Суворов являлся одним из ярчайших символов великого прошлого России и как писал известный военный деятель русского зарубежья, генерал Н.Н.Головин: *«В условиях нашей трудной эмигрантской жизни, бодрость можно черпать в изучении прошлого России. Для нас, военных, в этом отношении, на первом месте стоит изучение Суворова»*¹.

Интерес к личности Суворову и его эпохе значительно возрос к 1930 г., когда началась подготовка к достойному чествованию памяти полководца в год 200-

летия со дня его рождения². В это время, в периодической печати и отдельными изданиями, было опубликовано значительное количество работ посвященных А.В.Суворову. Уроки 1-ой мировой и гражданской войны в России пробудили интерес многих авторов к суворовскому наследию и его интерпретации в современных условиях. Следует отметить интересные исследования и работы: А.М.Драгомирова, Н.Н.Головина, А.В.Геруа, Р.К.Дрейлинга³.

В 1937 г. была издана книга Н.Белогорского⁴ «Суворов», адресованная русской молодежи, воспитывавшейся вдали от родной земли. Приветствуя выход этой книги, редактор-издатель журнала «Часовой», В.В.Орехов писал: «В мрачные годы нашего национального унижения, измен, людских мерзостей и интриг, пусть души уставших обращаются к прошлому России, великому прошлому, которое придает веру в то, что Родина восстанет из позора и лихолетья... Да будет же имя СУВОРОВА синонимом светлого будущего Российской нации и да не изгладится оно никогда из сердец русских людей»⁵.

Жившие в Париже потомки А.В.Суворова образовали Суворовский Комитет⁶, для достойного чествования памяти полководца в год 200-летия со дня его рождения. В своем обращении ко всем военным, общественным, научным и духовным организациям, действующих во всех странах рассеяния русского зарубежья, они подчеркивали мысль о большой значимости этой даты для всего русского зарубежья: «Образовавшийся из потомков Суворова Комитет его имени воодушевлен уверенностью в том, что достойное чествование памяти великого их пращура достигнет наиболее желательного всенародного характера лишь в том случае, если сольются в этот день все общественные силы русского зарубежья»⁷. Днем проведения торжественных мероприятий было намечено воскресенье 23-е ноября, «Имея в виду затруднительность привлечения наших

изгнанников к каким-либо собраниям в иные дни кроме воскресений...»⁸. Предполагалось провести в этот день заупокойные обеды и панихиды в православных храмах Парижа, посвященные памяти русского героя и торжественное заседание Суворовского Комитета.

1 ноября 1930 г. руководитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал Миллер подписал в Париже приказ за №50, в котором перечислив заслуги А.В.Суворова рекомендовал: «В день двухсотлетия со дня рождения Генералиссимуса Суворова предлагаю по возможности, во всех войсковых частях и воинских организациях отслужить панихиды об упокоении души воина князя Александра, а где позволят местные условия, то сделать доклады о его жизни и бессмертных воинских подвигах, столь прославивших Русское Оружие»⁹.

Таким образом, Франция, против армии которой более столетия назад столь успешно воевал Суворов в Италии и Швейцарии, стала центром по празднованию 200-летия со дня его рождения. Причудливые повороты совершает иногда история...

Русские колонии Эстонии, Латвии, Германии, Франции, Северо-Американских Соединенных Штатах и многих стран мира вспоминали о Суворове в ноябре 1930 г. Как правило, в первой половине дня устраивались богослужения в православных приходах, а вечером – проводились собрания, чтения и концерты, посвященные памяти полководца. На торжественном заседании в Париже прозвучали доклады и сообщения: генерал-лейтенанта А.А.Гулевица «Суворов – российской армии победоносец», генерал-лейтенанта Н.А.Лохвицкого «Суворовская школа», А.А.Башмакова «Суворовские заветы», генерала Ниесселя – члена Высшего военного совета Франции «Суворов и Франция – в 1799 году»¹⁰. В Швейцарии, у памятника Суворову и его сподвижникам у Чертова моста, состоялась церемония возложения венка от чинов РОВСа. В Ревеле (Эстония) был выпущен номер однодневной газеты «Ревельский Русский

Инвалид» почти целиком посвященный Суворову. Одна из статей «Мог ли Суворов считаться «инвалидом» принадлежала перу известного исследователя боевой деятельности генералиссимуса, профессору Николаевской академии Генерального штаба А.К.Байову.

Подготовкой торжественных мероприятий в Берлине занимался начальник II отдела РОВСа, генерал А.А. фон-Лампе. На протяжении многих лет генерал пытался спасти оставшуюся за границей часть суворовской коллекции, собранную В.П.Энгельгардтом¹¹.

После смерти Энгельгардта, наследником всего того, что находилось в Дрездене, стало русское посольство в Германии. Советские представители попросту продали все, что напоминало о русском герое. Библиотеку и часть картин приобрел на аукционе Русский Научный институт в Берлине. Библиотека эта была впоследствии значительно пополнена пожертвованиями русских эмигрантов, но с приходом к власти нацистов конфискована и дальнейшая судьба ее неизвестна. Часть картин, на которые были сделаны подробные описания самим Энгельгардтом – попала в частные руки. Лампе внимательно следил за перемещениями оставшейся части коллекции и к 1941 г. сумел выкупить ее у владельца. 23-го ноября 1943 г. все погибло в берлинском доме генерала, после того как во время налета союзной авиации в него попало 38 зажигательных бомб¹².

События Второй мировой войны причудливым образом продолжили традицию «суворовских» наименований. В ночь с 2 на 3 мая 1945 г. части «1-й Русской Национальной Армии» под командованием генерала Хольмстон-Смысловского перешли границу княжества Лихтенштейн, где и были интернированы. Путь солдат и офицеров пролегал по тем местам, где в свое время проходили суворовские чудо-богатыри. Непримиимый боец с большевизмом в России и большой поклонник Суворова, генерал Хольмстон-Смысловский в сентябре 1947 г. в Аргентине основывает «Российское Военно-

Национальное Освободительное Движение им. Генералиссимуса Александра Васильевича Суворова», или сокращенно «Суворовский Союз». Бывшие чины «1-й РНА» назвали свое движение в память перехода по Швейцарии путями суворовской армии. В течение нескольких лет издавалась газета «Суворовец»¹³. Основной целью организации было объединение военных кадров для будущей Российской Национальной Освободительной Армии.

С Швейцарским походом суворовской армии связана и еще одна яркая страница в деятельности русской эмиграции по сохранению исторической памяти о героях России. В 1947 г., русский офицер, эмигрант В.В.Смолинский, очутившийся в результате военных событий второй мировой войны, в немецком городе Вейнгартене, заинтересовался, почему лес находящийся в 2-х километрах к востоку от Вейнгартенского монастыря называется «Русским». Исследования хроник местных городов и ряда, оставшихся в архивах документов помогли восстановить историческую картину местной жизни полуторавековой давности. Российская Императорская армия под командованием А.В.Суворова совершила в 1799 году свои знаменитые итальянский и швейцарский походы. Проходили русские солдаты и по югу Германии, точнее южному Вюртембергу. Сюда в Линдау, Суворов, в середине октября 1799 г. привел после швейцарского похода своих «чудо-богатырей», здесь они квартировали и отдыхали. Несколько ранее – в конце августа и в начале сентября того же года по дорогам южного Вюртемберга, направляясь в Швейцарию, прошел русский корпус в 36 000 человек под командованием генерала Римского-Корсакова. В результате появления в этом районе русских войск были устроены в ряде городов – Вейнгартене, Равенсбурге и др. полевые лазареты. В известном всей Германии монастыре г. Вейнгартена лазарет для русских воинов был расквартирован в августе и просуществовал до середины декабря 1799 г. Сюда направлялись больные и раненые из корпуса Рим-

ского-Корсакова, а с октября, несомненно, и из армии Суворова.

В 2-х километрах к востоку от Вейнгартенского монастыря, на отлогах Шуссенской долины, в лесу, было тогда же устроено русское кладбище. Число умерших было очень велико, но среди похороненных, кроме русских, были еще австрийские и французские солдаты. На этом кладбище был тогда же поставлен памятник павшим воинам. Этот памятник простоял до 50-х годов XIX века и по причине ветхости был разобран. С тех пор о месте упокоения многих русских воинов забыли все, осталось только название «Русский лес».

На основании полученных материалов, в городе Равенсбурге 4 сентября 1947 года, профессор К.Е.Климов перед многочисленной аудиторией прочел доклад «О могилах русских воинов времен суворовских походов 1799 года под Вейнгартеном». Спустя 3 дня, 7 сентября вся местная, довольно многочисленная русская колония торжественно отпраздновала освящение временного креста, установленного на месте вечного упокоения воинов Российской Императорской армии. Торжество освящения креста на могиле и всенародную панихиду в «Русском лесу» совершил, специально для этого приехавший из Мюнхена, митрополит Серафим и многочисленное духовенство. После окончания панихиды генерал В.В.Крейтер в короткой и выразительной речи напомнил о великих делах, совершенных бессмертным Суворовым и поверии которое гласит, что в роковой для России час восстанет из гроба могучий, непобедимый вождь, призовет своих чудо-богатырей и со словами: «Мы русские – с нами Бог» очистит землю русскую от вражеской нечисти¹⁴.

Прошло чуть более года и в воскресенье 14 ноября 1948 г. был освящен уже каменный памятник. На камне ледникового периода был высечен рельефно выделяющийся православный крест, а под ним две надписи на русском и немецком языке: «Суворовским Чудо-Богатырям соотечественники 1799–1948». Средства на

его изготовление и установку были собраны по подписным листам добровольными пожертвованиями русской колонии г. Равенсбурга. Деятельное участие в этой работе приняли и православные церковные приходы городов Линдау, Равенсбурга, Вейнгартена, Вангена и др.

В 1949 г. в Вейнгартене прошел Суворовский слет отрядов Национальной Организации Русских Разведчиков. По этому случаю Е.В.Полуэктовой было написано стихотворение «на могилах суворовских солдат»¹⁵:

*Здесь тень Суворова, бойцов усопших тени,
Невидимо пряят под куполом древес,
Святой молитвою и вдохновенным пенъем
Звучит сегодня старый лес.*

*Героям русским – русские изгои
Цветы свои с любовью принесли,
Ведь на земле чужой здесь место нам родное –
Здесь русские за Родину легли...*

*Россию видели счастливой и свободной,
Как витязи ее пошли на честный бой,
Наш жребий не таков, с тоскою безысходной
Бредем изгнания тропой.*

*Родным богатырям немеркнущая слава,
И слава Родине и всем ее сынам,
Еще томящимся в сетях лукавых,
Рассеянными по всем краям!*

*И хочется сказать Вам, тени дорогие,
Что духа вашего незыблема печать,
Что ваши правнуки за счастье России
Как вы готовы жизнь отдать.*

¹ Головин Н.Н. Два письма Суворова // Часовой. 1930. №26. С.14.

- ² На протяжении длительного времени специалисты не имеют единого мнения относительно точного года рождения А.В.Суворова. По одним данным это 1729 г., по другим 1730 г. Русская эмиграция отмечала 200-летие рождения А.В.Суворова ориентируясь на более позднюю дату.
- ³ Драгомиров А.М. "Наука побеждать" Суворова. - Белград, 1930., Головин Н.Н. Суворов и его наука побеждать. - Париж, 1931., Геруа А. Суворов мыслитель // Вестник военных знаний. - Сараево. 1930. №7. Дрейлинг Р.К. Воинский устав Петра Великого и Суворов. - Белград, 1931.
- ⁴ Белогорский Н. Суворов. Издание НОРР, 1937. Белогорский - литературный псевдоним генерал-майора Шинкаренко-Брусилова Н.В.
- ⁵ В.О. Суворов. Посвящается Георгиевским Кавалерам // Часовой. 1937. №201. С.3-4.
- ⁶ В состав Комитета вошли: Председатель А.Башмаков, члены: князь В.Н.Масальский, К.В.Молоствов, сенатор Д.Б.Нейдгардт, В.С.Хитрово, Н.А.Левшина.
- ⁷ Обращение Суворовского Комитета // Часовой. 1930. №42. С.27.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Приказ Русскому Обще-Воинскому Союзу. №50. 1 ноября 1930 г. // Часовой. 1930. №43. С.2.
- ¹⁰ Суворовские дни. Париж // Часовой. 1930. №45. С.2-5.
- ¹¹ В.П.Энгельгардт - большой почитатель Суворова собрал обширную коллекцию, посвященную деятельности полководца в Швейцарии. Часть коллекции была передана в начале XX века в Суворовский музей, другая оставалась в Дрездене, где проживал Энгельгардт.
- ¹² Лампе А.А. Исторические реликвии. I. По следам Суворова // Возрождение. Литературно-политические тетради. 1949. Тетрадь 6. Ноябрь-Декабрь. С.187-188.
- ¹³ Алехин Г.В. Генерал Хольмстон-Смысловский и Русское Освободительное Движение // Наши вести. 1994. №435. С.10.
- ¹⁴ Забытые могилы // Часовой. 1947. №269. С.13.
- ¹⁵ Полуэктова Е.В. На могилах суворовских солдат // Часовой. 1949. №292. С.17.

Т. Н. Игнатьева
ГММ А.В.Суворова, Санкт - Петербург

Английские политические карикатуры конца XVIII века на А.В.Суворова в собрании ГММ А.В. Суворова

Исторические события и их участники всегда привлекают внимание писателей, музыкантов и художников. Победы и поражения, победители и побежденные остаются запечатленными на страницах книг, холстах и гравюрах, им посвящаются партитуры. Во все времена одним из самых ярких признаков популярности исторического деятеля считалось появление анекдотов о нем и публикация на него карикатур.

Английская карикатура, в том числе и политическая, к концу XVIII века достигла расцвета, невозможно назвать страну, в которой была бы столь развита и распространена в этот период карикатура, как в Англии. А.С.Пушкин считал Англию Отечеством карикатуры и пародии, где «всякое замечательное событие дает повод к сатирической картинке»¹.

Для англичанина XVIII века карикатура была своего рода «средством массовой информации», из которого он мог узнать обо всем – и о политическом скандале и о театральной премьере.

Основными жанрами английского изобразительного искусства в XVIII веке были портрет, пейзаж (в т. ч. и «топографический»), «спортивный» жанр и историческая живопись. Жанровая живопись также существовала, но ещё не была широко распространена. Таким образом, карикатуристы получили возможность восполнить пробел в этой области – круг сюжетов невозможно было ограничить. Во второй половине XVIII века английская карикатура окончательно сформировалась как самостоятельный вид искусства и противопоставила се-

бя академической школе. Сатирики-графики создавали свои офорты и рисунки вопреки всем законам классики. Наряду с профессиональными карикатуристами в Англии в конце XVIII века было много *карикатуристов-любителей*.

В этот период в Англии появляются издательства, занимающиеся *публикацией и продажей гравюр*². Самые известные карикатуристы практически всегда были связаны с определенными издателями, часто гравировали непосредственно по их заказам. Карикатуры издавались не только отдельными листами, но и сброшюрованными сериями. Их покупали в лавке издательства (во второй половине XVIII века гравюра стоила очень дорого и считалась предметом роскоши) или брали, за небольшую плату, на время. В витринах лавок регулярно выставлялись все новые карикатуры, и те, кто не мог ни купить листы, ни взять их напрокат, имели возможность просто посмотреть.

Карикатуристы гравировали листы, как правило, по собственным рисункам, но не было редкостью и гравирование по рисункам других авторов, чаще всего, художников-любителей.

Наиболее популярной техникой исполнения карикатур был офорт, который иногда дополняли лавис, акватинта или мягкий лак. Многие граверы-карикатуристы раскрашивали от руки первые оттиски. Все карикатуры имели очень подробные пояснительные тексты, без которых, иногда, невозможно было понять сюжет³.

Главными героями английских сатирических картинок XVIII века были представители британского королевского дома, европейские монархи и их министры. Событиям международной жизни также посвящалось немало карикатурных листов. Одним из самых популярных героев-иностранцев был для англичан фельдмаршал Суворов – его славу сравнивали тогда только со славой адмирала Нельсона. Публиковались портреты

Суворова, в том числе и фантастические⁴, появлялись карикатуры, но, увы, несмотря на огромную популярность, русский полководец изображался, как правило, «только чудачком, только оригиналом невзрачной внешности с признаками юродства»⁵. Его имя звучало в Англии как «Suwogow – Swallow-All» – пожиратель. Изменение политической обстановки в Европе, влекло за собой и смену «настроения» карикатур: в глазах английского общества Суворов выглядел то великим победителем, то жутким монстром.

В ГММ А.В.Суворова хранятся 11 английских карикатур с изображениями 5 сюжетов. Они характерны и «дают понятие о том представлении, которое составили себе англичане о нашем великом полководце, пользовавшемся в 1799 году по ту сторону Ламанша особенной популярностью»⁶.

В 1799 году у известных издателей Англии – Фореса, миссис Хамфри и Аккермана были опубликованы гравированные карикатуры на А.В.Суворова.

В представлении знаменитого английского карикатуриста Джеймса Гилрея, призванием которого была именно политическая сатира, Александр Васильевич Суворов выглядит свирепым и мощным богатырем. Фельдмаршал изображен в рост, опирающимся на окровавленную саблю, за его спиной видна горящая крепость. Гравюра напоминает скорее фантастический портрет, своего рода пародию на парадный портрет, чем карикатуру. При изображении Суворова использована гравюра Чапмена и «образ» военного, созданный Гилреем ранее – такая фигура присутствует на карикатурах 1791 года⁷. Карикатура, как и все гравированные листы Гилрея, снабжена очень подробным пояснительным текстом – описанием внешнего вида и образа жизни Суворова. Обычно Гилрей делал гравюры по собственным рисункам, но эта гравюра выполнена по рисунку лейтенанта Свортса⁸. Карикатуру можно считать «откликом» на первые победы армии Суворова в Италии – к момен-

ту публикации – 23 мая 1799 года – уже капитулировали крепости Брешиа и Пьескера, заняты Милан и Павия, форсирована река Адда.

В конце XVIII века именно этот “портрет” получил в Англии наибольшее распространение и по нему англичане судили о русском полководце. В июне 1799 года в Лондоне был опубликован портрет Суворова, по сюжету и композиции очень напоминающий описанную карикатуру⁹.

В фонде графики музея хранятся 6 листов с таким сюжетом. 4 листа напечатаны на плотной бумаге с водяным знаком «Аполлон», что говорит об их принадлежности к изданиям Д. А. Ровинского¹⁰. Ссылки на «Подробный словарь русских гравированных портретов»¹¹, сделанные от руки графитным карандашом аналогичны ссылкам в изданиях «Материалы для русской иконографии» и «Сборник сатирических листов,...»¹², хранящихся в отделе эстампов РНБ и отделе гравюр XVIII – XX вв. ГРМ. Таким образом, эти листы – копии с английской гравюры (из собрания Дашкова (?), выполненные в технике фотолитографии, видимо, были изъяты, возможно В.П.Энгельгардтом, из экземпляров указанных публикаций Ровинского¹³. 2 листа отпечатаны на более тонкой бумаге и имеют отличия от предыдущих в штрихах рисунка и написании букв.

В представлении другого английского гравера-карикатуриста Исаака Круикшенка, опубликовавшего в лондонском издательстве Фореса целую серию карикатур на русского фельдмаршала, Суворов выглядит несколько иначе. Толстый и низкорослый, Суворов обычно “завтракает” целой ротой французских солдат, насыщая на 2 вилки новые порции, а подпись под гравюрой предупреждает жителей Франции: “Берегитесь! Если он дойдет до Парижа, то Директория едва ли послужит для него даже закуской!” Но, как можно видеть уже на следующем листе, это предупреждение не помогло: “откушав”, Суворов закуривает трубку и ведет в

Россию на веревке членов Директории, “заплаканные лица которых выражают глубокое отчаяние, а сложенные руки молят о пощаде”¹⁴.

Оба листа числятся в музейной документации как гелиогравюра и гравюра неизвестных авторов. Но, в каталоге политической карикатуры отдела гравюр и рисунков Британского музея такие же листы описаны как работы Исаака Круикшенка¹⁵. На листе с сюжетом «Суворов, пожирающий французскую армию» имеется монограмма «IC», также принадлежащая Исааку Круикшенку. В 1799 году Круикшенк опубликовал в лондонском издательстве Фореса серию карикатур на А.В.Суворова. Гравюры с описанными сюжетами входили в эту сброшюрованную серию. Оригинальные гравюры были опубликованы 16 мая и 1 июня 1799 года и посвящены событиям Итальянского похода армии Суворова. В 1890 и 1893 оба листа были воспроизведены в изданиях Д. А. Ровинского – «Материалы для русской иконографии» и «Сборник сатирических листов...»¹⁶. Лист «Суворов, пожирающий французскую армию» – копия с английской гравюры (из собрания Дашкова (?), выполнен в технике фотолитографии. Видимо, изъят из изданий Ровинского, так же, как и листы с карикатурой Гилрея (см. выше). Лист с сюжетом «Суворов, ведущий на веревке французскую Директорию» тоже был воспроизведен фотолитографией в указанных трудах Ровинского, но в собрании музея – оригинальная гравюра, выполненная офортом. Карикатура отпечатана на бумаге с водяным знаком «J. Whatman»; в правом нижнем углу штамп издательства: «SWF».

На описанных гравюрах Суворов изображался победителем, но как только распадается антифранцузская коалиция и корпус Римского-Корсакова терпит поражение при Цюрихе, англичане начинают менее восторженно относиться к Суворову, и карикатуры изображают полководца уже иначе. На гравюре И.Круикшенка Суворов глотает французских солдат, но карикатурист

Коуз (?)¹⁷ считает, что “французский бульон” оказался не для русского желудка, и Суворов под “ударами” Массена возвращает всех проглоченных им французов, к которым присоединяются противники полководца в предыдущих войнах.

Гравюра Коуза(?) была опубликована 29 октября 1799 года и входила в сброшюрованную серию издательства С.В.Форес. Карикатура из собрания музея – фотолитография, опубликованная Д.А.Ровинским.

Очень интересна редкая карикатура, изданная 7 сентября 1799 года в Лондоне у Аккермана – “Нечто новое или Суворов и его зеркало”. На этом листе Суворов изображен совершенно лысым “атлетом” с длинными закрученными усами, рисующимся перед зеркалом в фантастическом одеянии, с наброшенной на плечи шкуркой или «меховым плащом». На пуфе возле зеркала лежат фельдмаршальский жезл и шлем. Подписи на гравюре рассказывают о том, что зеркало не было в употреблении сорок лет, а Суворов смотрится в него “с тех пор как он возрос в собственном мнении”. К моменту публикации карикатуры, армия Суворова уже одержала все победы в Италии, за взятие Мантуи полководец был возведен императором Павлом I в княжеское достоинство Российской империи. Вероятно, это и дало возможность неизвестному автору изобразить Суворова подобным образом.

В собрании музея хранятся 2 листа с таким сюжетом. Гравюры выполнены офортом и раскрашены от руки акварелью. Одна из гравюр напечатана на бумаге с водяным знаком «Curties & Sons», на другом листе сохранилась часть штампа – возможно магазина издательства Аккермана. Гравюра с таким сюжетом была неизвестна Д.А.Ровинскому и в его изданиях не публиковалась. Карикатура была описана С.В.Козловым (наличием этого редкого листа в своей коллекции он очень гордился) и В.Я.Адарюковым¹⁸.

Из 11 листов карикатур 9 входили в старое собрание Суворовского музея, разделив, в дальнейшем его судьбу, переходя от “владельца к владельцу”. В 1950 году они были возвращены из Артиллерийского музея в возрожденный военно-исторический музей А.В.Суворова. Две карикатуры были приобретены музеем в 1961 и 1986 годах.

В результате проведенной работы удалось уточнить техники исполнения листов и авторство трех карикатур, ранее числившихся в музейной документации как работы неизвестных граверов.

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при работе над статьей сотруднику ГРМ Е.А.Мишиной и сотруднику отдела эстампов РНБ И. Г. Ландер

¹ Пушкин А.С. ПСС – М., 1954. Т.5, С.81.

² Самыми известными были издательства Баулса, Сайера, Дж. Смита, *Хамфри, Фореса*, Холланда и, появившееся позднее остальных, издательство *Аккермана*. Почти при каждом издательстве была лавка.

³ Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. – М–Л., 1963. С. 3 –13, 19 –21. Дукельская Л. А. Искусство Англии XVI–XIX веков: Очерк-путеводитель. – Л., 1983. С. 88 - 89. Виппер Б.Р. Английское искусство: Краткий исторический очерк. – М., 1945. С. 42 – 46. Ковалдина Н.Н. Английская гравюра XVIII века // Очерки по истории и технике гравюры. М., 1987. С. 302.

⁴ Например, портрет Дж. Вашингтона с подписью «Суворов».

⁵ Марченко М. К. 1799 – 1899. Суворов в его изображениях, с тремя портретами. (Составил полковник С. В. Козлов) // Военный сборник – 1899. – N 12. – С. 48.

⁶ Козлов С. В. Изображения Суворова. – СПб., 1899. – С. 23.

⁷ Некрасова Е. Очерки по истории английской карикатуры конца XVIII начала XIX века. – М., 1935, илл. N VII. James Gillray. Berlin, 1970, илл.7.

⁸ George D.M.. Catalogue of political and personal satires preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum. - v. VIII. – London, 1942. – N 9390.

⁹ Симанский П. Н., Стремоухов М. Б. Жизнь Суворова в художественных изображениях. – М., 1900. С. 249; Орлов И. Д. Заметки о некоторых гравированных портретах. Дополнение к «Подробному словарю» Ровинского. – СПб., 1912. С. 84.

¹⁰ Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895). Историк искусства и коллекционер. Его труды по гравюре стали классикой отечественного искусствоведения.

¹¹ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. – СПб., 1886–1889.

¹² Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. Т. 7. – СПб., 1890; Ровинский Д. А. Сборник сатирических листов, извлеченных из материалов для русской иконографии. – СПб., 1893.

¹³ Рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на всех публикациях карикатур 1799 года на Суворова, историографии вопроса также не остается места.

¹⁴ Козлов С. В. Изображения... – С. 25. George D.M.. Catalogue ... – v. VIII. – N 9387, 9392.

¹⁵ Исаак Круикшенк (ок.1756–ок.1811) Глава семьи английских рисовальщиков-карикатуристов, иллюстраторов и гравиров. George D.M.. Catalogue ... – v. VIII. – N 9387, 9392

¹⁶ На нижнем поле листа, так же, как и на копии с гравюры Гилрея, имеются ссылки на «Подробный словарь..» Ровинского, сделанные графитным карандашом от руки.

¹⁷ Возможно Коуз был только автором рисунка, по которому была выполнена гравюра. Thiem Ul. Allegemeins lexikon der bildenden kunstler von der antike bis zur gegenwart. – v. VI. – Leipzig, 1912. С.50. George D.M.. Catalogue ... – v. VIII. – N 9422.

¹⁸ Адарюков В.Я. Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов Д.А.Ровинского. – СПб., 1912. С.62. Козлов С.В. Изображения. С. 23.

Н.Г.Роголин
Государственный
мемориальный музей А.В.Суворова

Использование А.В.Суворовым прусского пехотного устава 1743 года при разработке «Полкового учреждения»

В фонде документов и рукописей Государственного мемориального музея А.В.Суворова хранится рукописный экземпляр перевода прусского пехотного устава, принадлежавший А.В.Суворову¹. Рукопись на 368 листах in octavo, в кожаном переплете, бумага с золотым обрезом, филигрань «Pro Patria» западноевропейской фирмы «J. Honig & Zoon», датируемая 1762 годом². На обороте титульного листа имеется надпись: «Подарена господину поручику Кошелеву от господина бригадира и Суздальского полку начальника Александра Васильевича Суворова».

А.В.Суворов был произведен в чин бригадира 22 сентября 1768 г. Он продолжал командовать Суздальским полком и сдал его лишь в марте 1770 г. Таким образом рукопись могла быть подарена поручику Кошелеву только в этот период, а до этого принадлежала Суворову.

Как явствует из послесловия³, «Устав ради королевской прусской пехоты» заменил собой пехотный Устав 1726 г. Первое издание нового устава вышло в Берлине в июне 1743 г. Перевод делался со второго издания, также берлинского, 1750 г.

Примечательно, что устав был засекречен. Последний раздел XII главы носит название «Как сей устав благо сохранять и никому показывать не надлежит» и в нем определяются меры, исключающие попадание документа в чужие руки. В первом же артикуле этого раздела особо запрещалось показывать устав «никакому офицеру, которой в чужестранной службе». Подписы-

вались специальные меры по сохранению экземпляров устава убитых или выбывших из полка офицеров. Оговаривалось даже то, что в случае сражения «имеют все офицеры их уставы позади себя оставить и в их сундук замкнуть»⁴.

Все это приводит к убеждению, что экземпляр устава, использованный для перевода, был, вероятнее всего, боевым трофеем Семилетней войны.

Что же могло заинтересовать Александра Васильевича в прусском пехотном уставе?

Прежде всего это раздел об экзерциции. Обращает на себя внимание интересное совпадение. IV раздел («Титло») V части прусского устава озаглавлен – «Как экзерциции наилегчайше обучать и привести полк в порядок не изнуряя людей»⁵, а XI артикул этого раздела начинается словами: «Дабы новой человек подобно тому, как бы играючи экзерцицию выучил...»⁶. Сравним это с фразой Суворова из введения к главе II «Полкового учреждения «Об экзерцировании»: «...господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтобы оное упражнение вообще всем забавою служило»⁷.

Совпадает в двух документах и идея обучения рекрут отдельно от старослужащих солдат. У Суворова специально оговаривается, что рекрут необходимо обучать «не поверставши с старыми рядовыми»⁸. Лишь по завершении всего обучения, научившись обязанностям часового и рассыльного «рекрут обучение свое окончит и войдет в ротной строй с старыми рядовыми»⁹.

Та же раздельность в обучении предписывается и Фридрихом II: «Новые люди, кои в роту придут, в экзерцирное место должны быть обучаемы помянутым образом одни и не прежде для экзерцирования в роту введены быть, пока они экзерцицию сами про себя де-

лать не умеют, иначе новые люди старым без нужды в хлопотах будут...»¹⁰.

Суворов мог взять у Фридриха II и мысль о необходимости постепенного увеличения числа совместно обучаемых солдат. В прусском уставе обучение идет вначале по шеренгам, затем ротное обучение – одним, двумя и тремя рядами, целым plutonгом и после – целой ротой. За ротным учением следует дивизионное и, наконец, батальонное¹¹.

Суворов в «Полковом учреждении» устанавливает обучение «по-одиночке, по-шестам, большею шеренгою и целою командою в три шеренги»¹².

Суворов развил и детализировал последовательность обучения рекрута, предписанную «Инструкцией полковничьей», не изменяя ее основных положений. Интересно, что такая же последовательность излагается и в прусском уставе: «...прежде всего его обучать как ему без ружья стан, голову и ноги держать, маршировать и свои повороты делать. Потом как ему ружье на плечо носить, делать ружьем на караул, ставить к ноге, положить ружье, опять класть на плечо. Потом как ему ружье закрыть (от дождя), выносить в правую руку и перевести ружье с поля. Наконец как ему зарядание и прочее в приемах делать»¹³. Вполне возможно, что и «Инструкция» и «Полковое учреждение» в данном случае восходят к одному и тому же источнику – прусскому пехотному уставу Фридриха II.

В русских уставах не было специального раздела, посвященного солдатскому убранству, уходу за обмундированием, снаряжением и оружием и содержанию себя в чистоте. Лишь в «Инструкции полковничьей» часть V главы посвящена этим вопросам. В прусском же уставе VII титло XII части прямо озаглавлено: «Что для содержания в чистоте салдатства хранимо быть надлежит»¹⁴. По-видимому не без влияния прусского пехотного устава и А.В.Суворов в своем наставлении отводит убранству и чистоте солдат специальную главу¹⁵. Но

если у Фридриха II лишь излагаются требования к солдатам, то Суворов в «Полковом учреждении» делит свою главу на две части – «Как по сему поступать», устанавливающую требования к внешнему виду чинов полка и сохранению обмундирования и снаряжения, и «Что к сему потребно», где он, демонстрируя знание мельчайших деталей солдатского обихода, перечисляет инструменты и материалы, необходимые для ухода за мундирными и амуничными вещами.

Но еще больше совпадений с прусским уставом прослеживается в тех разделах суворовского документа, которые посвящены караульной службе. Это легко объяснимо: соответствующие главы «Устава воинского» Петра I не давали подробных рекомендаций по построению караулов, порядку сдачи постов и т.п., а в последующих наставлениях и уставах русской армии вопросы караульной службы вообще не затрагивались. Естественно стремление полкового командира, создающего свою инструкцию, использовать тот устав, в котором караульная служба была детально разработана и регламентирована.

Первая глава «Полкового учреждения», носящая название «О караулах», начинается параграфом «О построении караулов на месте». Указав на то, что рота строится так, как это обозначено в уставе 1763 г., Суворов переходит к построению караульных команд: «Команды строятся: от 40 до 24-х рядовых, разумея при фронте остающихся, в 3 ширенги. От 24 до 12 – в две. От 12 до самых малейших постов в одну ширенгу»¹⁶. Подобных указаний в уставе 1763 г. не содержится, зато сходное есть у Фридриха II: «Караул из 60 человек и выше ранжируется в 3 ширенги и 2 взвода и капитан на правом крыле с офицерами в прямой ширенги. Караул от 18 человек и свыше ранжируется в 2 ширенги и 2 plutонга и когда только один унтер офицер, то имеет всегда один ефрейтер в середине поставлен быть. Караул ниже 10 человек ранжируется в одну ширенгу и один

ефрейтер стоит посредине»¹⁷.

Число подобных совпадений и заимствований можно увеличить.

Берет Суворов из прусского устава и такую должность, как «мелд-ефрейтор», т. е. рассыльный. В русских уставах подобного наименования не встречается. Согласно «Уставу воинскому» роль рассыльного исполняет «лейбшиц» – «оберегательный стрелок или денщик».

Суворов, вводя в Суздальском полку непривычное понятие «мелд-ефрейтор», вынужден подробно расписывать все его действия, и делает он это опираясь на текст прусского устава. Вообще надо отметить, что эта часть «Полкового учреждения», как и глава «О караулах» характеризуется в общем нетипичным для Суворова детальным описанием исполнения ружейных и строевых приемов. По-видимому, знакомство с прусским уставом, где подобные вещи регламентировались очень строго, оказало свое влияние на командира Суздальского полка.

К сожалению, в нашей литературе несколько односторонне рассматривался вопрос о прусской военной системе, а отношение к ней А.В.Суворова или других представителей русской военной школы в период, предшествовавший преобразованиям Павла I, не затрагивался. Как правило даже анализ опыта Семилетней войны сводится к критике ограниченности линейного боевого порядка и кордонной стратегии, а также упоминанию о господствовавшей в наемных армиях муштре и палочной дисциплине¹⁸.

То же можно сказать и об изложении в большинстве работ, особенно послевоенных, взглядов Суворова на самого Фридриха II, сводимых лишь к критике его полководческой деятельности. При этом не учитывается то, что большинство негативных оценок и прусской армии, и Фридриха II, приходится на начало царствования Павла I, когда раздраженный ущемлением своих прав

фельдмаршал пошел на нарушение основного закона военной жизни – дисциплины и субординации – игнорируя вначале пожелания, а после приказания императора. Повторяемая из сочинения в сочинение фраза из письма Д.И.Хвостову – «Я – лутче Прусского покойного великого короля; я, милостью Божиею, батальи не проигрывал»¹⁹ призвана не столько унижить Фридриха (которому Суворов при этом не отказывает в наименовании «Великий»), сколько, вполне в духе Александра Васильевича, подчеркнуть достоинства самого пишущего.

Уместно в данном случае вспомнить, что авторитет Фридриха II в военных вопросах не подвергался сомнению многими представителями русской военной школы. Например, о ярчайшем из них в описываемый период – П.А.Румянцеве – современники отзывались как о горячем поклоннике прусского короля и прусской армии²⁰.

Опыт прусской армии внимательно изучал Н.В.Репнин, бывший одно время послом при дворе Фридриха²¹, и П.И.Панин, сославшийся на него при рассмотрении вопроса об учреждении в России егерей по образцу прусских егерских команд²². Если прибавить сюда И.П.Салтыкова и М.Ф.Каменского, то станет ясно, что Н.Дубровин имел достаточно оснований написать о «благоговении выдающихся боевых деятелей России перед военным талантом Фридриха»²³.

А.В.Суворов также считал необходимым изучать опыт Фридриха II. Не случайно, излагая в знаменитом письме своему крестнику Александру Карачаю целостную программу подготовки офицера Суворов упоминает прусского короля среди обязательных для изучения военных писателей²⁴. Некоторые мысли, высказанные Фридрихом в его наставлении прусскому генералитету²⁵, оказались созвучными взглядам Суворова и встречаются в его позднейших наставлениях²⁶.

Таким образом, обращение полковника Суздальского полка А.В.Суворова к опыту прусской армии и использование им некоторых положений, закрепленных

в пехотном уставе 1743 года, не является чем-то исключительным. Но Суворов пользуется прусским уставом при составлении «Полкового учреждения» лишь в тех случаях, когда он, не противореча требованиям отечественных уставов, позволяет дополнить и конкретизировать их. В этом смысле показательно, что раздел о рундах Суворов пишет опираясь на «Устав воинский» 1716 года, хотя в прусском уставе этому вопросу уделено гораздо больше внимания и разработан он более тщательно.

Знание положений прусского пехотного устава Суворов считал небесполезным и для младших офицеров, иначе трудно объяснить факт передачи им рукописи в дар поручику Кошелеву²⁷, как о том свидетельствует надпись на обороте титульного листа.

¹ Государственный мемориальный музей А.В.Суворова, фонд документов и рукописей (далее ФДРМС). Инв. № МС 2007. На русском языке устав не публиковался. Небольшие фрагменты, в основном из XI главы, рассматривающей вопросы дисциплины, приведены: Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича // Русская Старина. 1877. Т. XVIII. С. 227–260, 577–608.

² Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – XX века. – М., 1959. С. 85, таб. 1 № 1135.

³ ФДРМС. Инв. № МС 2007. Л.368.

⁴ Там же. Л.367–367 об.

⁵ Там же. Л.107–107 об.

⁶ Там же. Л.112 об.

⁷ А.В.Суворов. Полковое учреждение. – М., 1949. С. 51. (далее – Полковое учреждение).

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ ФДРМС. Инв. № МС 2007, Л.113 об.

¹¹ Там же. Л.114–115 об.

¹² Полковое учреждение. С. 54.

¹³ ФДРМС. Инв. № МС 2007, Л.112 об. – 113.

¹⁴ Там же. Л.363 об.

¹⁵ Полковое учреждение. С. 60 – 66.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ ФДРМС. Инв. № МС 2007, Л. 242-242 об.

¹⁸ См. например: Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. – М., 1980; Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу Отечества Российского (Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). – М., 1984.

¹⁹ Суворов А.В. Письма. – М., 1986. С. 319.

²⁰ «...фельдмаршал страстно был привержен к Пруссии; в Семилетнюю войну он уже известен был взятием Кольберга, а потом был с вспомогательным корпусом при окончании царствования Петра III при короле прусском Фридрихе II против австрийцев; при восшествии на престол Екатерины II оставался зрителем побед Фридриха Великого. С того времени фельдмаршал был обворожен его воинским и государственным гением... Король чрезвычайно уважал фельдмаршала, и он со всеми славными прусскими генералами был в коротком знакомстве; и восхищался прусскою армиею, конечно, тогда лучшею в свете...» (Энгельгардт Л.Н. Записки. – М., 1997. С.29). Об этом же пишет и участвовавший в русско-турецкой войне под командованием Румянцева С.Р.Воронцов: «Фельдмаршал Румянцев, ...у которого глубина познаний освещалась гениальными способностями и суждения которого о военном деле основывались на постоянном сознательном опыте, покрыл себя славою в войне с пруссаками и был ревностным почитателем прусской армии. И однако почитание это не довело его до предубеждений, которым поддаются лишь посредственные умы...» (Записка графа С.Р.Воронцова о русском войске (1802) // Русский архив. 1876. № 11. С.355).

²¹ Там же. С. 207.

²² Дубровин Н. А.В.Суворов среди преобразователей екатерининской армии. – СПб., 1886. С.46.

²³ Там же. С. 34.

²⁴ А.В.Суворов. Письма. С. 254.

²⁵ Инструкция или воинское наставление короля прусского его генералитету. – М., 1761.

²⁶ В VI артикуле, названном «Об остром взоре (Coup-d'Oeil)», читаем: «Острой военной взор разделяется на две части. Первая состоит в даровании познавать рассуждением по взору: сколько на каком месте поместится войска? Сия привычка единственно практикою или частыми опытами получается; назначивая многие лагеря, приобьикнет на конец глаз к точному размеру места, так что разве в малом ошибется. Другое дарование гораздо превосходнее первого, состоит чтобы узнавать при первом взоре все полезности положения места. Его получить и к совершенству доводить всякой тот может, кто природной дух к войне имеет». (Инструкция или воинское наставление. С. 24-25). Ср. у Суворова в «Науке побеждать»: «Три воинские искусства. Первое – глазомер: как в лагере стать, как маршировать, где атаковать, гнать и бить» (А.В. Суворов. Документы. Т. III. – М., 1952. С. 506). Созвучны взглядам Суворова оказались и представления об обязанностях генерала: «Не должно генералу и в мало опасных лагерях от неприятеля, праздну быть. Он может и должен все свое попечение на войска обратить и пользуясь покоем стараться военной порядок к совершенному наблюдению доводить...» (Инструкция или воинское наставление. С. 31-32). В приказе войскам Кубанского корпуса от 16 мая 1778 г. Суворов писал: «Известные качества начальствующего украшаютца его благовременною диспозициею, преподанием нужных кратких и ясных правил войску, на толикое пространство времени, поелику он до рубежа своего предвидения различных обстоятельств перемен достигнуть возможет ежевременно. Доколе сию важнейшую свою должность не совершит, спокойствия ему нет. А потом благонадежен он на войско, так как оное благонадежно на него». (А.В.Суворов Документы. Т. II. – М., 1951. С.65). Наконец, если Фридрих рекомендует нападать на неприятеля «в слабейшее его место» (Инструкция или воинское наставление, С. 105), то и для Суворова это совершенно очевидно – «На неприятеля начинать атаку с слабой его стороны» (А.В.Суворов Документы. Т. III. С. 351).

²⁷ Сведений о поручике Кошелеве не сохранилось. Т.И.Воробьев высказал предположение, что он был офицером Суздальского полка (Воробьев Т.И. Краткий путеводитель по Суворовскому залу. —Л.—М., 1941. С. 16), но это маловероятно, т.к. в списках офицеров полка за 1763–1776 гг. его имя не встречается. (См. Плестерер Л. История 62го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Итальянского Графа Суворова-Рымникского полка. Т. II, Белосток. 1902. С. 163–167, 171–173).

А. А. Будко

Военно-медицинский музей

А.В.Суворов и военная медицина

В последнем году второго тысячелетия нашей эры и ее кровавого двадцатого века Россия отметит 200-летие со дня смерти величайшего полководца земли русской генералиссимуса Александра Васильевича Суворова.

«Суворов — изумительно цельный тип «военного человека» вообще, и буквально единственный в мировой истории войн пример солдата-фельдмаршала-генералиссимуса» — так кратко и емко определил личность создателя нового, суворовского военного искусства один из его первых биографов¹.

Можно смело утверждать, что двухвековая толща времени ни на йоту не погасила немеркнущую славу российского военного гения. Его беспримерный боевой опыт, взгляды на военное искусство, его знаменитая «Наука побеждать», как теперь более чем очевидно, никогда не потеряют своего значения.

Полководческая деятельность А.В.Суворова протекала во второй половине XVIII столетия, когда Россия свыше двадцати лет находилась в состоянии войны. Восемнадцатый век, как известно, явился веком исключительного развития русского военного искусства, блестящими представителями которого были Петр Великий, Румянцев и Суворов. Российские полководцы были убеждены, что главная сила русской армии — ее солдаты, только постоянной отеческой заботой об их здоровье и быте военачальник может завоевать доверие и любовь солдат и только при этом условии может требовать от них предельного напряжения физических и моральных сил для достижения победы над врагом.

Суворов считал себя солдатом, всюду и всегда вел истинно солдатскую жизнь.

Однажды на вопрос лейб-медика Павла I почему он упорно отказывается лечиться и есть скоромное, полководец ответил, что он – солдат. Доктор напомнил ему, что он генералиссимус. «Правда, – ответил Суворов, – но солдат с меня пример берет». И суворовские солдаты, его «чудо-богатыри» любили своего командира, боготворили его и совершали в боях подлинные чудеса.

На протяжении своей более чем полувековой военной службы А.В.Суворов всегда и глубоко интересовался военно-медицинскими вопросами, отчетливо понимая и правильно оценивая первостепенное значение сохранения и укрепления здоровья личного состава войск для их боеспособности и боеготовности. Он в любых условиях мирного или военного времени требовал от офицеров отеческой заботы о больных солдатах, об оздоровлении солдатского быта, всяческого содействия в этом деле военным докторам и лекарям. Следует заметить, что в этот период количество медиков в армии росло довольно быстро. Если в 1740 г. в русской сухопутной армии было всего 102 врача, то в 1799 г. в ее рядах имелись уже 473 доктора и лекаря. Это было обусловлено ростом численности армии (за вторую половину восемнадцатого столетия она выросла с 300.000 до 500.000 человек), а также усилением экономической мощи страны². Во время Семилетней (1756 – 1763) войны, в которой участвовал и подполковник Суворов, в русской армии имелось такое число медицинских чинов, какого не было ни в одной западноевропейской армии того времени. В каждом полку был один лекарь и два подлекаря. Тем не менее опыт этой войны доказал, что армия нуждается в дальнейшем увеличении численности медицинского состава. По этому поводу М.В.Ломоносов в 1761 г. писал: «...и войско российское весьма недостаточно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать раненых... От такого непризнания многие, коим бы жить, умирают». Этот горький урок был учтен и уже в первую русско-турецкую войну (1768 – 1774) в

российских госпиталях был введен штатный медицинский состав, организовано раздельное лечение тяжело и легко раненых. По приказанию командующего русской армией в эту войну П.А.Румянцева в войсках впервые стала проводиться санитарная разведка (исследование мест размещения воинских частей и соединений, питьевой воды, пищевых продуктов и т.п.). В руководстве для боевой подготовки войск («Обряд службы»), написанном генерал-фельдмаршалом П.А.Румянцевым-Задунайским в 1770 г., имеются разделы о «чистоте – как первейшем моменте для предупреждения заболеваний», а также и «о лучшем призрении и врачевании больных». Таким образом принцип профилактики заболеваний в армии сочетался с улучшением постановки в ней лечебного дела.

Ученик и последователь П.А.Румянцева – Суворов. Как известно, с юных лет понял первостепенное значение санитарно-гигиенических правил для укрепления здоровья, необходимость систематической физической тренировки и закаливания организма. Только благодаря этому Суворов из хилого юноши стал физически крепким и закаленным человеком. Уже в ранний период своей деятельности, командуя Суздальским полком, будущий полководец внедрял в жизнь части целый комплекс гигиенических правил. В составленном им наставлении «Полковое учреждение» мы находим стройную систему суворовского воспитания, в которой получили отражение принципы профилактики и укрепления здоровья воинов: требования чистоты и опрятности, тренировка и постепенное втягивание в условия военной службы, сбережение сил в походе и т.п. В одном из своих приказов 1774 г. Суворов требует от полковых лекарей и подлекарей постоянного наблюдения за «здоровьем здоровых» – то есть строгого надзора за качеством воды и пищи, отдыхом солдат и т.д.³.

В начале второй русско-турецкой войны в корпус Суворова прибыл известный русский ученый – док-

тор Д.С.Самойлович с задачей организации эвакуации раненых и больных из корпуса. Доктор, ознакомившись с обстановкой, изложил в рапорте на имя Суворова свое мнение о нецелесообразности эвакуации из частей легкораненых и больных «ибо в пути может умножиться болезнь». Суворов соглашается с этим мнением и в последующем стал неизменно требовать от командиров полков организации лечения легкобольных непосредственно при части, в полковых лазаретах. После Кинбурнского сражения (1787) Суворов систематически следил за лечением раненых и больных, проводимым под руководством Д.С.Самойловича. 6 октября 1787 г. Суворов донес главнокомандующему Г.А.Потемкину: «...из раненых ...никто не умер, но выписано много в здравье». В течение месяца полководец трижды в своих докладах Г.А.Потемкину упоминает с благодарностью имя Д.С.Самойловича.

После блистательных побед на юге в начале 1791 г. Суворов был назначен в Финляндию, где санитарное состояние войск было неудовлетворительным, заболеваемость – высокой, госпитали были переполнены и содержались плохо, смертность – ужасающей. Новый командующий энергично взялся за упорядочение военно-медицинского дела. В первую очередь он разгружает госпитали: негодных к службе солдат увольняет в запас, легкобольных размещает при своих частях в «слабосильных командах», околотках или полковых лазаретах. По приказу Суворова больных стали делить на четыре группы: больных, слабых, хворых и льготных, и каждую из них приказывалось содержать отдельно. В госпиталях оставались лишь тяжелобольные, требующие длительного лечения.

Для предупреждения цинги солдатам приказано было давать капусту, хрен, различные травы. Принимались меры к улучшению условий размещения солдат, их питания и водоснабжения. В результате всех этих мер санитарное состояние войск резко улучшилось, смерт-

ность значительно снизилась. «В год в полку редко умирает до полдюжины», – доносил Суворов, в то время как в других регионах России умирало до 20% солдат⁴.

В этот период в одном из госпиталей, дислоцированных в Финляндии, начинал свою деятельность доктор Илья Энегольм. Прослужив в войсках 20 лет, он обобщил свой собственный и опыт русских врачей в труде «Карманная книга военной гигиены или замечания о сохранении здоровья русских солдат», в которой в значительной степени были отражены суворовские принципы сохранения и укрепления здоровья военнослужащих. Ученые Медико-Хирургической академии и медицинского факультета Московского университета одобрили труд И.Энегольма и признали его классическим учебником военной гигиены.

В период командования А.В.Суворова войсками на юге России (со второй половины 1792 г.) особенно большую роль в улучшении санитарного состояния армии сыграл штаб-лекарь Ефим Тимофеевич Белопольский, который обобщил указания Суворова и собственный врачебный опыт в «Правилах медицинским чинам», разосланных в августе 1793 г. по приказанию полководца в войска для руководства и исполнения. Суворов обессмертил имя Е.Белопольского, ссылаясь на сочиненные последним «Правила» в своих приказах и произведениях. Так в знаменитой «Науке побеждать», где четверть текста посвящена сбережению здоровья, Суворов рекомендует неуклонно выполнять его требования по сохранению здоровья и требования «Наставления штаб-лекаря Белопольского». В специальном приказе о сохранении здоровья в армии от 31 марта 1794 г. Суворов указывает: «Сие подробнее и для лазаретов описано и в примечаниях искусного штаб-лекаря Белопольского». «Солдат дорог, – учил Суворов, – Береги здоровье, чисти желудок; голод лучшее лекарство! Кто не бережет людей, – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет»⁵.

Общеизвестно, что итальянский и швейцарский походы Суворова явились классическим образцом русского и мирового военного искусства, завершающим этапом деятельности великого полководца. К сожалению, медицинское обеспечение этих походов в историко-медицинской литературе до сих пор почти не нашло отражения. Видным советским историком военной медицины В.М.Корнеевым в свое время были установлены фамилии 107 врачей-участников этих суворовских походов (из 117 человек – положенных по штату экспедиционным корпусам, действовавшим за границей). По данным В.М.Корнеева в армии Суворова имелись околотки, полковые лазареты и корпусные полевые госпитали. Перед выходом войск за границу тяжелобольные были оставлены в постоянных военных госпиталях или на попечении уездных лекарей. В бою раненым производилась перевязка ран непосредственно после ранения. После сражения тяжелораненые направлялись в корпусный полевой госпиталь, развертываемый в ближайшем от войск городе. Суворов внимательно следил за работой медицинских чинов, некоторых награждал сам, о многих докладывал в Медицинскую Коллегию или даже императору Павлу I. Так, по рекомендации Суворова лекари Василий Каменский и Василий Костерицкий были произведены в штаб-лекари, а первый, кроме того, награжден 200 рублями.

Как и всегда ранее, полководец главное внимание уделял профилактике заболеваний. Когда ему доложили, что вода в реке, близ которой действовали его войска, осаждая Александрийскую крепость, недоброкачественная, он передвинул армию в другой район, где вода была значительно лучше.

Умелое управление медицинской службой и маневрирование ее силами и средствами, хорошая подготовка медицинского состава обусловили достаточно эффективные итоги медицинского обеспечения войск во время итальянского и швейцарского походов суворов-

ской армии. Если в австрийских госпиталях смертность раненых достигала 11%, то в наших была вдвое меньше. Директором главного полевого госпиталя в Александрии, где с июня по декабрь 1799 г. лечилось свыше 3000 раненых, был Николай Борисович Нотбек. Он засвидетельствовал, что «медицинские чины... с утра до ночи старались, чтобы успевать лечением и перевязыванием раненых, и успех был столь счастлив, что из того числа было умерших меньше, нежели в французских и австрийских госпиталях»⁶. Решениями Медицинской Коллегии почти все медики – участники этих походов были произведены в следующий чин.

При возвращении из Швейцарии, Суворов серьезно заболел. В г. Кобрин, где он лежал, по его приказанию был вызван доктор Н.Б.Нотбек, который последовал за полководцем в Петербург и находился при нем по день смерти Суворова, ускоренной очередной немилостью Павла I.

А.В.Суворов поднял русское и мировое военное искусство на небывалую высоту. На его заветах воспитывалась плеяда великих российских полководцев – от Кутузова до Жукова, под предводительством которых армия России побеждала всех своих врагов.

Имя Суворова навсегда осталось и в истории отечественной военной медицины, как одного из провозвестников профилактического направления в медицинском обеспечении войск.

¹ Песковский М.Л. А.В.Суворов. – СПб., 1899. С.3.

² Всеобщий журнал врачебной науки. – СПб., 1813. №5. С.23.

³ Полевой И.А. История А.В.Суворова. – СПб., 1858. С.85.

⁴ Петрушевский Л. Генералиссимус Суворов. – СПб., 1884. Т.1. С.381.

⁵ Семек С.А. Медицина военная. // Энциклопедический словарь военной медицины. – М., 1948. Т.3. С.776.

⁶ Гезер Г. Основы истории медицины. – Казань, 1890. С.115.

Л.И.Спиридонова
Российский архив военно-морского флота

А.В.Суворов в Финляндии

Документы о деятельности Суворова в Финляндии хорошо изучены и опубликованы. Однако нам представляется, что Фонды Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) использованы в этом отношении недостаточно. Естественно, наибольшее количество документов о Суворове, хранящихся в фондах архива, отражают его участие в русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и особенно в боевых действиях в Причерноморье и на Дунае.

Небольшой, но очень интересный комплекс документов о деятельности Суворова в Финляндии можно найти в фонде Адмиралтейств-коллегии (ф.212), в фонде Канцелярии члена Адмиралтейств-коллегии адмирала А.Н.Сенявина (ф.201), в фонде Канцелярии вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршала И.Г.Чернышева (ф.172), в документах по морской части, переданных из кабинета Екатерины II (ф.179). Здесь находятся доклады и рапорты о строительстве адмиралтейских сооружений, сведения о состоянии и постройке судов Балтийского гребного флота, данные о заготовке и доставке различных материалов и провианта, ведомости суммам, отпущенным на строительство гаваней, портов и каналов. Наконец, прекрасные по своему исполнению карты, генеральные планы крепостей Финляндского департамента в фонде Военно-инженерного управления (Ф.3л). С помощью документов этого фонда можно восстановить всю картину деятельности Суворова в Финляндии, поэтапно проследить процесс возведения оборонительных сооружений, их точное местоположение. Остановимся на отдельных эпизодах, связанных с деятельностью Суворова в Финляндии.

После взятия Кракова и окончания польской компании, 15 апреля 1772 г. в Петербург, а в феврале 1773 г. был командирован в Финляндию, где «осматривал российский с Швецией рубеж, с примечанием политических обстоятельств, и имел иные препоручения. Эти «препоручения» заключались в особом поручении выяснить, не было ли признаков подготовки нападения на Россию со стороны Швеции¹. Следует отметить, что главные укрепленные пункты в Финляндии находились в самом плачевном состоянии: Выборгская крепость была целиком обращена к С.-Петербургу; Фридрихсгамская крепость представлялась настолько обширной, что для ее защиты нужны были все войска, сосредоточенные в Финляндии; Давидовская рассматривалась не более как полевое укрепление; Вильманstrandская могла служить лишь прикрытием для полевых войск.

Пробыв в Финляндии сравнительно недолго, до апреля 1773 г. Суворов успел не только осмотреть все названные крепости, но и сделать важное заключение, что опасности войны для России на северном театре пока не существует. Из средств, выделенных ему на укрепление пограничных линий в крепостях были возведены деревянные и каменные казармы для размещения солдат и офицеров местных гарнизонов, артиллерийские мастерские, провиантские магазины, пороховые погреба, кордегардии. Деревянные постройки были переделаны в 90-е годы, каменные существовали в течение всего XIX в.²

6 апреля 1773 г. последовал указ Военной коллегии об определении генерал-майора и кавалера Суворова «по его желанию в «Первую армию». Сборы были недолгими, спустя несколько дней А.В.Суворов выехал из Петербурга и в первых числах мая был уже в Яссах, где располагалась главная квартира командующего 1-й армией фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунaysкого³.

Затем последовали заключительные аккорды русско-турецкой войны, Крым, новая русско-турецкая война и сражения на Кинбургской косе, при Фокшанах и

Рымнике, производство в генерал-поручики, а затем в генерал-аншефы, наконец штурм и взятие Измаила. Однако вместо столь желанного производства в фельдмаршалы, А.Суворов вынужден был довольствоваться почетным званием подполковника гвардии Преображенского полка (носивших это звание было уже 10 человек, Суворов был 11-м). Накануне пышных торжеств по случаю взятия Измаила, он и вовсе был удален из Петербурга, получив подписанный 25 апреля 1791 г. Екатериной II указ о командировании в Финляндию для осмотра финляндской границы и составления проекта ее укрепления⁴. Только что закончилась русско-турецкая война, 3 августа 1790 г. был подписан Верельский мирный договор, подтвердивший прежнюю границу между Россией и Швецией, установленную Абосским миром 1743 г. по реке Кюмень на север, затем на восток вдоль озера Сайма на Пумалу, от Пумалы вновь на север до Нейшлота. В ходе войны шведы нанесли чувствительные потери нашему флоту во 2-м Рончесальмском морском сражении 28 июля 1790 г. Шведские войска небезуспешно наступали в месте перекрестных дорог на южном берегу Саймы, откуда открывался прямой путь на Петербург. Вот почему создание единой операционной линии пограничной обороны с включением в нее приморских и сухопутных крепостей, а также флотилий на озере Сайма, рассматривалось как мероприятие значительной государственной важности.

Первая ознакомительная поездка была непродолжительной. 2 мая 1791 г. в самый разгар весенней распутицы Суворов был уже в Нейшлоте, затем посетил Давыдов и Фридрихсгам и через Выборг вернулся в Петербург. Поездка заняла четыре недели. По ее итогам был сделан обстоятельный доклад Екатерине II о состоянии пограничных крепостей и мерах по их усилению. В первую очередь требовалось построить пять передовых полевых укреплений в Пардакоски, Ярвентайпале, Утти, Ликколе, Кюмменегороде. Эти укрепления

должны были служить прикрытием расположенных восточнее крепостей. Вторая и наиболее важная задача заключалась в ремонте оборонительных сооружений во всех крепостях. Большого внимания требовала только что созданная в ходе русско-шведской войны Сайменская флотилия и главная ее база — порт Вильмаstrand. Суворов предлагал построить гавань при Кюмменегородской крепости для стоянки гребного флота и возвести порт Роченсальм, как главную базу гребного флота, создать резервы в Выборге и Фридрихсгаме, наконец, срыть шведские укрепления⁵.

Екатерина II, ознакомившись с докладом, 25 июня 1791 г. писала Суворову: «повелеваем полагаемые вами укрепления построить под ведением вашим, употребляя в пособие тому войска, в Выборгской губернии находящиеся». Все лето 1791 г. он находится в постоянном движении, стремительно перемещается по Финляндии, для него не существует мелочей — все важно: прорыть новые колодцы в Нейшлоте, построить казармы и кордегардии в Роченсальме и Вильманстранде, сделать провиантские магазины в новых пограничных укреплениях, возвести полковые лазареты и бани для солдат, организовать производство кирпича и извести, купить суда для их перевозки, а в перерывах между строительными работами заниматься обучением солдат, укреплением дисциплины и порядка в войсках. Частью проекта Суворова стала прокладка четырех каналов между Нейшлотом и Вильманстрандом на участке коммуникации по Сайме, расположенном в пределах шведской границы. И все-таки основная деятельность Суворова проходила в Роченсальме. Принц Нассау-Зиген, получив разрешение выехать из России, сдал все планы, сам Роченсальмский порт и все находящиеся в нем войска и гребной флот Суворову. Благодаря его стараниям, уже к осени 1791 г. Роченсальм превращается в удобную и хорошо укрепленную гавань.

Императрица была вполне удовлетворена деятельностью Суворова, предоставив ему более широкие права. 8 января 1792 г. его поставили во главе Финляндской дивизии, которая включала 7 пехотных полков, Лифляндский егерский корпус и Донской казачий полк. 21 января он получил в подчинение Сайменскую флотилию в составе одного катера и 20 канонерских лодок. С этого момента Суворов стал официально именоваться главнокомандующим Финляндской дивизией, Роченсальмским портом и Сайменской флотилией⁶. На Сайменскую флотилию, включенную в единую линию пограничной обороны, были возложены задачи крейсирования между Вильманстрандом и Нейшлотом, изучения «всех входов и выходов во внутренности шхер», подробное описание и составление карты озера. От морских служителей требовалось, чтобы те «остерегались нанести малейшего неудовольствия жителям по границе шведской», ни под каким видом не заступали за свои границы, «имея к охранению чести флага Российского всякую предосторожность, готовность и исправность»⁷. Во время плавания экипажи обучались приемам управления парусами и ведения артиллерийской стрельбы. Флотилия находилась в полном подчинении сухопутного командования, проблемами комплектования экипажей, снабжения, строительства новых канонерских лодок занималась Адмиралтейств-коллегия. Командующий флотом капитан-лейтенант М.Борисов получал от А.Суворова соответствующие указания к началу кампаний, которые продолжались на Сайме не более двух месяцев. По окончании плавания все журналы и отчеты сдавались в штаб главнокомандующего. Количество судов и соответственно число морских и адмиралтейских служителей на Сайме постоянно увеличивалось. Через два года в составе флотилии было уже 88 канонерских лодок, их обслуживала команда в 307 морских и адмиралтейских служителей⁸. В связи с этим у Суворова появились новые проблемы: первая заключалась в возведе-

нии специальных сараев для хранения судов. Задача была актуальной в связи с сырым климатом, когда гниению и порче подвергались не только строения, но и плавающие средства. После окончания кампании канонерские лодки вытаскивались из воды, просушивались и убирались в эти самые сараи. Специальные сараи строились не только для хранения пороха, но и артиллерийских орудий с канонерских лодок. Корабельные сараи, возведенные в Вильманстранде, простояли более 15 лет и были заменены новыми по требованию министра морских сил П.В.Чичагова накануне последней русско-шведской войны.

Вторая проблема заключалась в размещении личного состава. Прибывшие в Вильманstrand служители флотилии временно размещались в ветхой и непригодной для зимовки казарме местного пограничного батальона. В будущем предполагалась постройка для них собственной казармы и по распоряжению Суворова для нужд флотилии была занята часть принадлежащего надворному советнику Лангелю геймата Дюстернеми. К сожалению, долгое время не удавалось юридически оформить это решение. Потребовалось приложить огромные усилия, чтобы сломить чиновничье противодействие. Суворов дважды обращался к П.И.Турчанинову с предложением приобрести геймат в казну, но до его отъезда из Финляндии к месту нового назначения решения об этой покупке так и не последовало. В последующие годы в переписку по этому поводу вступил Выборгский губернатор Карл фон Гинцель, затем сменивший его князь Щербатов, командующий гребным флотом И.И. де Траверсе, чиновники Адмиралтейств-коллегии. При этом о существе дела уже изрядно подзабыли⁹.

В декабре 1795 г. Суворов, проезжая через Финляндию, узнал от Лангеля, что вопрос о приобретении его мызы в ведение адмиралтейств-коллегии все еще не решен, а убытки, понесенные Лангелем в связи с потерей части собственности, также никто не собирается

возмещать. Суворов был вынужден прибегнуть к помощи высоких покровителей. Он пишет обо всем брату своего зятя молодому фавориту императрицы Платону Zubovu. И тогда реакция была немедленной. Адмиралтейств-коллегия теперь уже сама затребовала все необходимые сведения. 18 марта 1796 г., уже после отъезда Суворова из столицы в Тульчин, делу был дан ход, в том же 1796 г. в Вильманстранде, наконец, смогли приступить к постройке новых жилых казарм¹⁰.

В этом крошечном эпизоде — весь Суворов, начиная от оценки стратегического значения первой приграничной озерной флотилии с ее патрульно-сторожевой службой, до заботы о каждом солдате, чтобы в условиях сурового климата Финляндии каждому было тепло и сухо.

Лето 1792 г. было затрачено на окончательную отделку полевых пограничных укреплений, завершение строительных работ Роченсальмского порта. Осенью 1792 г. он пишет, что «пограничные в Финляндии крепости, а именно: Кюмменегород, Утти, Керна, да форты Ликкола и Озерной совершенно работой закончены», «очень красивы, крепки и прочны». Кроме бастионов, редутов и капониров, в них появляются дома для штаба и обер-офицеров, полковые лазареты, бани, цейхгаузы, казармы.

8 сентября 1792 г. во исполнение высочайшего указа в Роченсальмском порте на главной батарее Св. Екатерины поднимается штандарт и кайзер-флаг¹¹. Законченные строительством пограничные крепости передаются в ведение начальника инженерной службы в Финляндии инженер-полковника С.И.Лаврова. Суворов занимается составлением «Плана оборонительных и наступательных действий в Финляндии» и «Плана оборонительных мероприятий в Финляндии», в которых разработал наиболее целесообразные способы использования армии и флота для защиты границы и наступления в возможной войне со Швецией¹². Однако в целом дальнейшее пребывание в Финляндии тяготит его. В пись-

мах П.И.Турчанинову появляются трагические ноты: «во всю мою жизнь я был всегда в употреблении, ныне, к постыдности моей, я захребетник». Здесь все в наилучшем состоянии, князь Щербатов достойный преемник. «Окропляю слезами освященнейше стопы», просится в Польшу, но получает холодный ответ: «Польские дела не требуют графа Суворова». Возникла даже мысль уйти в отставку. И все-таки Суворов дождался своего часа. Осенью 1792 г., в связи с резким обострением русско-турецких отношений, потребовалось усиление внимания к обороне Северного Причерноморья. 10 ноября 1792 г. он был назначен командующим войсками в Екатеринославской губернии и Тавриде.

¹ А.В.Суворов. Документы. Т.1. — М., 1949. С.41.

² РГА ВМФ. Ф.3л. Оп.23. Д.977. Л.34–37.

³ А.В.Суворов. Документы. Т.1. С.607.

⁴ А.В.Суворов. Документы. Т.3. — М., 1952. С.4.

⁵ Там же. С.8–9.

⁶ РГА ВМФ. Ф.212. Оп.11. Д.261. Л.22–22об.

⁷ Там же. Д.1930. Л.16, 20.

⁸ Там же. Д.1921. Л.31; ф.201. Оп.1. Д.20. Л.39.

⁹ Там же. Ф.201. Оп.1. Д.74. Л.41.

¹⁰ Там же. Д.90. Л.98–106.

¹¹ Там же. Ф.227. Оп.1. Д.57. Л.25.

¹² А.В.Суворов. Походы и сражения в письмах и записках. — М., 1990. С.329–331.

Г.И.Васильева
Музей-усадьба А.В.Суворова
с. Кончанское-Суворовское

Суворов на Новгородской земле

Имя А.В.Суворова стоит в ряду славных имен, составляющих гордость русского народа. Трудно найти уголок в нашей большой стране, где бы о нем не знали, где бы им не гордились. Для нас дороги места, связанные с именем великого полководца.

На территории Новгородской области А.В.Суворов бывал неоднократно и жил в течение нескольких лет. Впервые нашу область А.В.Суворов посетил в 1756 году. Находясь на военной службе в Ингерманландском пехотном полку, он был 17 января 1756 года назначен обер-провиантмейстером и командирован «для смотра в Новгородской губернии Новгородского, Старорусского, Солецкого и Новолодожского провиантских и фуражных магазейнов». На этой должности в Новгороде и уездах А.В.Суворов пробыл до 28 октября 1756 года. До сего времени не удалось установить места, дома, где жил или останавливался в Новгороде будущий фельдмаршал. Это и трудно сделать, учитывая частые отлучки и разъезды Суворова по губернии. Все его остановки, видимо, были кратковременны.

После смерти отца, А.В.Суворов был вынужден посетить свои новгородские деревни, полученные в наследство. Делает он это с большим опозданием – 1784 году. Доказательством того, что Суворов до этого в своих новгородских владениях не бывал, служит письмо Суворова к домоправителю села Рождествено – Степану Матвеевичу Кузнецову, которого называл Матвеичем. Собираясь посетить Кончанское 30 июля 1784 года, он пишет ему письмо: «В новгородских моих деревнях я никогда не бывал». А в конце декабря 1784 года Суворов уже был в селе Кончанском. Отсюда он посылает в

Суворов на Новгородской земле

Ундол письмо своему племяннику Ивану Петровичу Суворову. Он пишет: «Кончанск под Боровичами 28 декабря 1784 года. Иван! Я сюда приехал под сочельник. Здесь очень много дворян и дичины и особливо летом должно быть несказанно веселее всех моих деревень. Только по милости правительства (управляющего) дом обветшал и не очень хорош, а сад опустошен. По озерам, хотя и не катался, но невод купил в 50 рублей для рыбы. Заячьи тенета ныне заведут...»¹.

В первый приезд свой в Кончанское, Суворов жил здесь полтора месяца до половины февраля 1785. Здесь у него был близкий приятель Алексей Михайлович Балк – владелец части села Волок, в 25 верстах от Кончанского. Из писем к нему можно сделать вывод, что в первое свое посещение Суворов остался недоволен своими наследственными покаями: «Прошу Вас, Мил. государь, чтобы приказать изволили господские дома покойного моего родителя вычинить и исправить, елико можно лучше и садик завести...».

Владелец, как говорит местное приданье, обещал в первый свой приезд все свои новгородские деревни, числом в разных местах до 18-ти, и при этом быстро осмотрел каждый двор и каждую избу. Так как он ездил и ходил весьма скоро, не взирая ни на выюги, ни стужу, то бурмистрам и старостам, в свите его бывшим, досталось, как говорят, и труда, и внушений весьма достаточно.

По местному выражению стариков: «барин в ту пору, как рассказывали деда, столь нагнал холоду и заботы всем начальникам, что хоть отбавляй»².

Второй приезд Суворова в с. Кончанское был весною 1786 года. В это время он уже готовился к турецкой кампании и к отъезду в южные губернии.

Главнейшая его забота в ту пору состояла в том, чтобы убавить праздную дворню. Он отдает приказы выделить дворовым людям пашню и инструменты «чтобы выпахать могли они ее себе на провиант годовой так, чтобы и на семена достаточно было всего.... А у кого

будет корова, тем отводить землю на сенокос. ... Выучиться еще, садить и растить картофель. Он прибылен и здоров»³. Из этих приказов видно, что Суворов был внимателен по всем вопросам хозяйственной жизни. В этот же приезд Александр Васильевич отдал распоряжение о строительстве домово́й деревянной церкви имени Св. Александра Невского. Прошение о строительстве церкви Суворов подает Новгородскому Митрополиту еще в ноябре 1785 года и хоть ответа не получил, все же отдал распоряжение о строительстве церкви. Церковь была построена в 1787 году, но освещена только 13 марта 1789 года. Ее не освещали до 1789 года, поджидая приезда А.В.Суворова, который находился на театре военных действий на юге России. «13 марта, в день освящения церкви, А.В.Суворов просил епархального архиерея назначить в дьячки Евдокима Яковлева... Значит Суворов в день освящения церкви находился в селе Кончанском и присутствовал на освящении своей церкви»⁴. Это был третий приезд А.В.Суворова в Кончанское.

Это все были кратковременные посещения села Кончанское. Следующий приезд Суворова в наше село был уже не по собственной воле и более длительный.

5 мая 1797 года в сопровождении чиновника Николева, Суворов был доставлен в свое имение как ссыльный. Так Павел I наказал его за критику проводимых им реформ в русской армии.

Усадьба находилась вдали от дорог, окруженная лесом, болотами, озерами, была настоящим «медвежьим углом». Место ссылки было избрано так, чтобы лишить старого полководца возможности общения с армией и друзьями.

С тех майских весенних дней 1797 года Кончанское, из никому неизвестной маленькой деревушки, стало знаменито на всю Россию. Александру Васильевичу шел 67 год. Позади жизнь, полная подвигов во славу России. Сознание своей ненужности угнетало полководца. Вынужденная бездеятельность тяготила энергичного

Суворова. Положение его усугублялось тем, что к нему был приставлен надзор сначала Боровичского городничего Вындомского, а потом чиновника Николева.

9 июля 1797 года Вындомский сообщает, что «его Сиятельство в слабом здоровье, кажется, несколько подкрепился приездом к нему детей его, графини Натальи Александровны Зубовой и графа Аркадия Александровича».

21 июля Вындомский рапортует: «Господин фельдмаршал на сих днях в слабом здоровье и весьма скучает, что стоящий дом в селе его Кончанское весьма ветх и не столько в зиму, но и осень пережить в слабом его здоровье вовсе нельзя ...».

В последующих донесениях городничий сообщает, что Суворов делал выезд в усадьбу Каменка, стоящего в 45 верстах от Кончанского (24 июля), к соседней помещице Пелагее Лупандиной (4 августа) на что получил запрет от императора. Согласно инструкции о надзоре, Суворову так же запрещалось принимать гостей, переписка его проверялась.

С 20 сентября 1797 года надзор за Суворовым осуществлял чиновник Николев. На следующий день после приезда Николева из Кончанского уезжает дочь Суворова, и жизнь старого полководца стала еще тоскливее. К этому прибавились несправедливые денежные иски, земельные тяжбы, клевета.

22 сентября самое распространенное донесение Николева было: «Графа нашел в возможном по летам его здоровье... по свидании со мной встретил меня печальным видом, встает до света, часа за два, пьет чай, обмывается холодной водой... невозможно иметь надлежащий присмотр, так как живет он один в избе удаленной от селения, подле церкви, где приставнику поместиться негде. Всечасно дружен, бывает своими людьми, коих самые ближайшие камердинер и два солдата отставных, люди непокорливые и нетрезвые». В следующих донесениях пишет: «Суворов здоров, уп-

ражнения его все те же... В праздники более мундира не одевает, а бывает в обыкновенном своем белом канифасном камзолчике. Имеет на шее орден св. Анны».

Однако деятельная натура знаменитого полководца не могла примириться с узким миром тихого бытия в ссылке. Несмотря на сложности в переписке с близкими и друзьями он следит за событиями в Западной Европе. Он много читает, организует школу для крестьянских ребят, и сам обучает их грамоте.

Пережить тяготы ссылки ему помогли его любимый слуга Прохор Дубасов, несколько отставных солдат и местные крестьяне.

В феврале 1798 года однообразную деревенскую жизнь в Кончанском неожиданно прерывает приезд племянника Суворова – князя Андрея Горчакова, бывшего флигель-адъютантом Павла I. Он вручил приказ Императора о приезде Суворова в Петербург. В последнем донесении по этому поводу Николев написал: Куракину – генеральному прокурору: «14 февраля приехал сюда господин полковник князь Горчаков с высочайшим указом быть графу в С-Петербурге. Объявил словесное Ваше приказание возвратиться мне в свой дом».

Зная, что в Российской армии продолжается внедрение прусских порядков, Суворов неохотно выезжает в Петербург.

Прибывшему в столицу полководцу Павел I намекал, что готов разрешить ему вернуться к военной службе, но Суворов, сделав вид, что не понимает, вернулся в Кончанское.

Надзор за Суворовым больше не возобновлялся. Он с большей силой ощутил здесь красоту лесистого и озерного края. Стал чаще принимать у себя гостей, посещать соседей. «Иногда упражняюсь с моими соседями непорочно в дружеских утехах, 5-6 дней собрания и иногда с виватом из пушек за высочайшее здоровье...» – писал он к Д.И. Хвостову.

В короткие зимние дни Суворов чаще всего находился дома, где у него, для удовлетворения своих эстетических чувств, была устроена птичья горница. Каждую неделю он парился в бане, часто посещал церковь, сам звонил в колокола, читал апостол и с певчими пел на клиросе. Любимым местом его в летнее время была гора Дубиха, где по его приказу был построен двухэтажный домик, известный как Суворовская Светелка, по словам Николая Григорьева (1810 г.), слышавшего от своего отца, что он: «Все, бывало, уйдет на Дубиху в светелку да там и сидит, планы пишет. Там ему и кушать подадут, там и чаек попивать изволил... А то зачнет бывало с робятами в бабки играть...»⁵. Часто посещал он крестьянские дворы, устраивал свадьбы, бывал на венчаниях и крестинах, характеризуя свою жизнь так: «...весело живу, весело жил, весело умру, весел родился не мизантроп...».

В декабре 1798 года, как бы подводя итог своей жизни в Кончанском, он пишет Лопухину: «Войск здесь нет. Обращение мое две трети года с дворянами. Государские дни званы были раз 5-6, их не торжествовать я считал за грех. Не званные по дружбе в другие праздники и дни были у меня к службе Божией и одному обеду раз до 8-ми, человек от 3-х до полдюжины. Сам я был в гостях меньше 10-ти раз, прочее время препровождал я в глубоком уединении, сам друг, сам третьей или со священником»⁶.

Живя в Кончанском, Суворов следил за победами Наполеона Бонапарта, проводившего свою захватническую политику в Западной Европе. Еще до приезда в Кончанское он говорил о нем: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун. Он побеждает и природу и людей...»⁷.

К этому времени здоровье А.В.Суворова заметно пошатнулось. В декабре 1798 года он пишет: «...левая моя сторона, более изувеченная, уже пять дней немеет, а больше месяца назад я был без движения во всем корпу-

се». Годы брали свое. Душевная сила его не поколебалась, воля не сломлена, но сказывалось внутреннее потрясение, постигшее его в конце столь блестящего поприща.

Такое состояние требовало какого-нибудь исхода, и религиозное чувство Суворова подсказало ему этот выход. Он был всегда глубоко верующим человеком, но под старость сделался еще более строже в исполнении обрядов и внешнем богочитании, особенно в Кончанском.

Видя для себя невозможность участия в практических делах, он решает уединиться в монастыре. Переходя от слова к делу. Он пишет Государю: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Не умышленности моей просты, милосердный Государь»⁸.

На это письмо Суворов не получил ответа. Развязка приближалась, но совсем другая. Еще раньше, в связи с обострившимися отношениями с Францией, Павел I, желая знать мнение Суворова на случай войны с французами, посылает в Кончанское генерал-майора Прево-де-Люмиана. В сентябре 1798 года Суворов продиктовал свои девять правил ведения войны, которые выражали наступательный характер его тактики.

После вступления России в антифранцузскую коалицию, Павел I был вынужден, по просьбе союзников, назначить на пост главнокомандующего армией Суворова «знаменитого мужеством и подвигами». На просьбу Венского Двора о назначении Суворова главнокомандующим, Павел I сказал: «Вот русские на все пригодятся».

6 февраля 1799 года перед Суворовым предстал царский курьер с рескриптом и письмом: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании Венского Двора, чтобы Вы предводительствовали армиями Его в Италии, куда и мой корпус

Розенберга и Германа идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить Вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Верону». Автор книги «Дух великого Суворова», приводит письмо Павла I: «Я решился послать вас в Италию на помощь Е.В. Императору и Государю... Суворову не нужны ни триумфы, ни лавры; но отечеству нужен Суворов. Желания мои согласны с желаниями Франца II, который, поручая вам верховную власть над своею армиею, просит вас принять это достоинство...».

С сим письмом был отправлен генерал-адъютант Толбухин. Граф Александр Васильевич, получив оное, пошел в церковь, отпел молебен, занял у старосты на прогоны денег, приехал в Петербург, и оттуда поехал доказывать французам, в отчизне древних Римлян, что такое русский Суворов»⁹.

Сознание того, что он нужен Отечеству, заставило забыть все свои болезни, обиды и на следующий день, 7 февраля 1799 года полководец покидает Кончанское навсегда, чтобы еще раз заставить мир заговорить о нем. Можно сказать, что путь его в Италию и Швейцарию начался утром 7 февраля, когда он, стоя на крыльце Кончанской церкви, прощался со всеми, кто пришел проводить его в этот поход. Он прощался с этим уголком России, давшим ему приют в самый трудный период его жизни.

«Долго еще будет жить в народной памяти маленький старичок в канифасном камзолчике... Перемерут старики, перемерут их дети и внуки, вырастут новые поколения, а все это место будет во веки веков Суворовской вотчиной... Суворов жив и всегда будет жить в Кончанском, в каждой мужицкой избе, в каждом камне и уцелевшем старом пне, в озере Шерегодре, в долинах и на холмах...»¹⁰.

Память о Суворове в Кончанском жива в настоящее время. Здесь создан единственный в стране Музей-усадьба Великого полководца.

Началось же утверждение памяти А.В.Суворова с установки памятника в 1940 году. В 1942 году 25 октября под грохот канонады Волховского фронта и при содействии армии был открыт дом-музей. В 1965 году был восстановлен летний дом А.В.Суворова на горе Дубихе. 18 мая 1975 года в отреставрированном здании бывшей Кончанской церкви открыта картина-диорама «Альпийский поход А.В.Суворова». Продолжаются работы по восстановлению Суворовского парка, проводятся работы по охране природного ландшафта. По дальнейшему восстановлению усадьбы планируется строительство хозяйственных построек, бывших во времена Суворова.

¹ Суворов А.В. Письма. — М., 1987. С.101.

² Рыбкин Н. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. По вновь открытым источникам за 1783 и 1797 годы и местным преданиям его вотчин. — М., 1874. С. 87.

³ Там же. — С.97.

⁴ Шавельский Г. Суворовская Кончанская, что при Николаевской академии Генерального штаба церковь. — СПб., 1906. С. 14.

⁵ Аничков Д.И. Орлиное гнездо (с. Кончанское). — СПб., 1898. С.11.

⁶ Суворов А.В. Письма. — М., 1987. С.330.

⁷ Там же. — С. 312.

⁸ Там же. — С. 324.

⁹ Дух великого Суворова. — СПб., 1808., ч. 1, 2. С. 3-4, 51-52.

¹⁰ Аничков Д.И. Орлиное гнездо (с. Кончанское). — СПб., 1898. С. 31.

Г.Э.Введенский
Государственный музей-
заповедник «Царское Село»

Гипотеза о происхождении названия корабля

В документах Гавриила Романовича Державина, что хранятся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, мое внимание привлекла одна весьма интересная бумага. На белом листе бумаги с филигранями «АО 11815» и сильно искаженной «Британией», писарским почерком, черными чернилами написано стихотворение, посвященное доставлению в Америку кораблем Российско-Американской компании «Суворов»¹ известия о низвержении Наполеона. Стихотворение не датировано, но филигрань 1815 года и сама история корабля позволяют предположить 1816 год, как время его написания. Трудно представить себе более символического посланца для этого известия. Отправившись в кругосветное плавание в 1813 году под командованием лейтенанта Михаила Петровича Лазарева (1788–1851), впоследствии открывшего Антарктиду, экипаж корабля на обратном пути открыл в Тихом океане группу атоллов, один из которых по традиции был назван именем корабля-первооткрывателя — «Суворов». В 1816 году корабль вернулся в Кронштадт, а в сентябре того же года ушел в еще одно кругосветное путешествие под командованием лейтенанта З.И.Панафидина. Корабль был построен в Нью-Йорке и куплен в Кронштадте Российско-Американской компанией. Почему и кто назвал его именем А.В.Суворова, хотелось бы поделить-ся своими догадками. Было бы весьма просто предположить, что на волне патриотического подъема, связанного с победой над Наполеоном, вновь построенные суда стали называть именами полководцев, но в этот период появлялись даже боевые корабли названные име-

нами античных богинь и мифологических героев. Вероятно для решения этого вопроса необходимо вспомнить некоторые моменты создания Российско-Американской компании и людей её создававших. Известно, что Российско-Американская компания была создана 18 июля 1799 года, как русское торгово-промышленное объединение для освоения русских владений в Северной Америке. Одним из главных инициаторов учреждения компании был Николай Петрович Резанов (1764 – 1807). На своем жизненном пути Резанову посчастливилось иметь умного и многоопытного старшего друга, который помогал ему в самые трудные дни и словом и делом. Этим другом был Гаврила Романович Державин. Державин был в близких отношениях с семейством Резановых и мальчик боготворил его. Для того чтобы составить представление об их отношениях можно воспроизвести письмо одиннадцатилетнего Николая тридцати двух летнему Державину от 5 июня 1775 года. «Государь мой. Я был бы неблагодарен, еслиб такому благодетелю, как Вы, за память обо мне не выразил глубочайшей моей признательности: Вы принимаете участие в моей судьбе и, как я слышал от маменьки, хотите взять меня из Лейб-Гвардии Измайловского в Преображенский полк под свое покровительство...

Жду мил. Гдрь., Вашего благополучного приезда. В заключение желаю Вам всякого счастья и доброго здоровья.

Остаюсь и до конца жизни пребуду с наиглубочайшим почтением и преданностью, Вашим мил. Гдрь, послушнейшим, покорнейшим и обязаннейшим слугою Николай Резанов.»². Это покровительство продолжалось всю жизнь ныне известного путешественника и дипломата. Когда Поэт стал статс-секретарем Екатерины II, он взял Резанова служить к себе. Это дало возможность молодому человеку без особенных трудностей уже в 1795 году, продолжая дело Г.И.Шелехова, подать прошение на имя Екатерины II о создании Российско-Американской компании. После организации компании

в 1799 году он является одним из самых деятельных её директоров. Державин был его духовным отцом, с которым он советовался по всем вопросам, и который сопереживал всем его начинаниям. Даже когда Николая Петровича не стало мнением старого мудрого Сенатора, бывшего министра юстиции в компании очень дорожили. Вероятнее всего, что один из новых кораблей компании, у истоков которой стоял Гаврила Романович, он и предложил назвать в честь своего великого друга.

В 1774 году Державин, наделенный тайными полномочиями, отправляется против Пугачева. Там же он встретился с человеком, дружба с которым прошла через всю его жизнь – Александром Васильевичем Суворовым. Их дружба (дружба генерала и поручика) предмет изучения будущих поколений историков и литературоведов. Зная натуру Суворова трудно себе представить, чтобы он, будучи генералом, мог так сойтись с поручиком (тогда еще не поэтом). Вполне естественен восторг поэтической натуры перед подвигами полководца, но из писем мы видим и абсолютно искреннюю любовь, и привязанность Суворова к своему другу: «Гаврила Романович в душе моей почтен»³. Неоднократно они писали друг другу стихами. Разумеется, стихи полководца не слишком совершенны, но очевидно, что появились они под влиянием вдохновенной лиры Державина. Не исключено, что их семьи были знакомы раньше. Сохранились документы о переводе в 1742 году секунд-майора Державина в Казанский гарнизон и об увольнении его подполковником в статскую службу 14 января 1754 года. Оба документа за подписью члена военной коллегии, генерал-майора Василия Ивановича Суворова⁴. Разумеется, это не доказательство, ибо Василий Иванович мог подписывать сотни таких документов, но, тем не менее, данная гипотеза имеет право на существование. Так или иначе, но их дружба непререкаемая истина. Эту дружбу воспевали поэты, ею восхищались.

Но мил и свят союз прекрасный
Прямым героям и певцов -
Поэт Гомер к Ахиллу страстный:

Из глубины седых веков
Вселенну песнь его пленила -
И не умрет душа Великого Ахилла!

Так пел в Суворова влюблен,
Бард дивный, исполин Державин:
Не только бранью Сципион,
Он дружбою с поэтом славен:
Единый лавр на их главах,
Героя и певца равно бессмертен прах!⁵

Державин увековечил подвиги своего друга в громких одах, которые до сих пор не забыты нигде в России. Каждый год в различных аудиториях нашего города исполняются оды «На взятие Измаила», «На переход Альпийских гор», «Здравный орел» и, конечно же, самое пронзительное из стихов Гаврилы Романовича — «Снегирь»⁶. Но поэт не считал этого достаточным и сумел память об ушедшем друге увековечить в названии корабля.

Вероятнее всего, что это стихотворение не принадлежит перу Гаврилы Романовича Державина, но, тем не менее, его стоит привести здесь полностью с подстрочным примечанием.

Стихи

*Российско - Американской компании кораблю
называемому Суворов.*

*Лети корабль среди дальних волн
Красуйся именем героя,
Который духом Росса полн*

*Среди непобедима строя
Молниеносный взор метал
Гласи во все земли державы:
На Альпах высоты сын славы
Урок высокомерным дан.*

*Доселе все животворит
Своим Суворов сильным духом
Немолчным гласом он гремит
Вселенной целой перед слухом;
Любя отечество, закон
Чрез бурные стремиться воды,
Поведать в дальние народы,
Пред Россом пал Наполеон. •*

*Свое безвестным островам
Он имя славное приносит
По грозным носится волнам
Победы Россов перевозит;
Ужасно имя среди войны
Искусства ратного светило
Орлам Российских царств открыло
От всех сокрытые страны.*

Р.С. В связи со сказанным хотелось бы еще отметить одну, на мой взгляд, немаловажную деталь. Два величайших имени в военной истории Суворов и Наполеон. Они были равны по своим военным талантам, но не равны по выпавшим им возможностям. Они ревностно следили за успехами друг друга и, хотя им не удалось померяться силами на поле брани, даже в дни нашествия двенадцатизыкой армии, образ Суворова и его школа противостояли Наполеону. Звук этих двух имен завораживал и до сих пор завораживает людей. Но, пожалуй, заочный поединок был завершён именно ак-

том доставки на другой конец света известия о разгроме Наполеона кораблем, носящим имя «Суворов».

¹ Водоизмещение 300 т.; длина 30,5 м.; экипаж 31 человек; вооружение 14 орудий.

² Я. Грот. Сочинения Державина. Т. 5. – СПб., 1869 – № 280. С. 268.

³ В.С.Лопатин. А.В. Суворов. Письма. – М., 1986. С. 236.

⁴ РНБ, РО. Ф. 247. Т. 20.

⁵ Кюхельбекер. Ермолову. 1821. // Певец во стане русских воинов. – М., 1989. С. 96.

⁶ Считается, что Державин написал «Снегирь» в день похорон Суворова, а в день его смерти он смог лишь написать три строчки: О вечность! прекрати твоих шум вечных споров,
Кто превосходней всех героев в свете был.
В святилище твое от нас в сей день вступил
Суворов.

* *Сей корабль первым привез известие в Американские области, что Наполеон свержен с французского престола и после на нем же россияне открыли на Окиане неизвестные острова и дали оным имя Суворова.*

К.А.Дряннов

Государственный музей обороны Москвы

Суворовские принципы в действиях танкистов в период Московской битвы

Гениальный русский полководец Александр Васильевич Суворов, 200-летие Итало-Альпийского похода которого мы отмечаем в этом году, оставил в наследство своему Отечеству и армии огромный запас военных знаний – знаменитую «Науку побеждать». Военному гению Суворова поражались многие европейские полководцы и правители. Суворов всегда побеждал, несмотря на превосходящие силы противника. Основные принципы суворовской тактики пережили почти два века, и до сих пор не утратили своего значения.

Считая наступление основным видом боевых действий, Суворов подчёркивал огромное значение при этом маневра, быстроты действий и внезапности, преследования как логического завершения успеха наступления. Однако, А.В.Суворов не исключал обороны и даже отступления как вида боевых действий. Однако, оборона, по мнению полководца, должна быть не пассивной, а активной. Некоторые победы Суворовым были достигнуты в обороне.

Основу суворовской тактики составляли три выдвинутых им принципа: глазомер, быстрота, натиск. Эти принципы тесно связаны между собой. Под глазомером Суворов подразумевал умение всесторонне оценить противника и учесть возможность его активных действий. Под быстротой Суворов понимал не только высокую скорость передвижения войск, но и внезапность, которая ошеломляет противника и лишает его возможности сопротивляться. Быстрота помогает натиску – наивысшему напряжению сил в решающий момент боя. Умелое применение этих принципов обеспечивало успех в сражениях.

В период Московской битвы суворовские тактические принципы, а точнее творческое следование им, сыграло большую роль в разгроме гитлеровских захватчиков. Они широко применялись, в частности, командирами советских танковых частей в боях.

К началу Московской битвы, 30-му сентября 1941 года, войска трёх фронтов, державших оборону на Московском направлении – Западного, Брянского и Резервного имели в своём составе 1 танковую, 2 мотострелковые дивизии, 13 танковых бригад и 4 отдельных танковых батальона. В этих соединениях насчитывалось 780 танков (причём только 140 средних и тяжёлых, остальные были лёгкими, в том числе и с пулемётным вооружением). Противостоявшие советским войскам четырнадцать танковых дивизий группы армий «Центр» имели в своём составе 1700 средних и лёгких танков Т-3 и Т-4, а также некоторое количество трофейных советских танков (захваченных в первые месяцы войны). Такое соотношение было явно не в пользу Красной Армии.

Приграничные сражения принесли советским танковым частям не только тяжёлые потери, но и первый боевой опыт советским командирам и военачальникам. Они стали отказываться от наступлений «в лоб» – это не приносило успеха, а только приводило к большим потерям. Танковые части стали беречь, их держали в резерве, применяли в критических ситуациях из-за нехватки танков, в особенности новых средних Т-34. Танки использовали для нанесения контр ударов по вклинившимся в оборону частям противника. Иногда танки включались в первые эшелоны войск для усиления противотанковой обороны.

В начале войны перед командованием Красной Армии встали серьёзные проблемы – в большей части уставов был забыт такой вид боевых действий, как оборона. По суворовским принципам можно не только наступать, но и обороняться и обороняться активно, то есть наносить по противнику контрудары.

Московская битва началась 30 сентября 1941 года. Одними из первых на защиту столицы встали и танковые части Красной Армии.

Оперативная группа войск под командованием генерал-лейтенанта И.В.Болдина была сформирована на Западном фронте и включала в себя 107- мотострелковую дивизию и две танковые бригады. В начале октября группа вела тяжёлые бои с частями 56-го моторизованного корпуса противника в районе города Холм – Жирковский. Танкисты в этих боях осуществляли активную оборону и нанесли противнику серьёзные потери. Город Холм-Жирковский стал ареной ожесточённых боёв: противнику пришлось после первого штурма и захвата его, предпринимать вторую ожесточённую атаку, т.к. в результате активной обороны, в которой участвовали танковые бригады, он был выбит из города.

На орловско-тульском направлении в начале октября развернулись ожесточённые бои. Наступавшим на этом направлении вражеским войскам 2-й танковой группы и 2-й полевой армии противостояли соединения и части 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Когда корпус вступил в бой, он был ещё в стадии формирования. К 4 октября из танковых частей в корпусе были 4-я танковая бригада и 36-й мотоциклетный полк. Командир корпуса генерал-майор Д.Д.Лелюшенко и командир 4-й танковой бригады полковник М.Е.Катуков разработали план операции по обороне вверенного им участка, придерживаясь основных суворовских правил. Для выяснения сил противника в захваченный город Орёл были направлены подвижные разведгруппы. Танкисты-разведчики не только узнали замыслы противника, но и совершили рейд по улицам Орла, уничтожив немало гитлеровцев и их боевой техники.

6 октября части 4-й танковой бригады вступили в бой с превосходящими силами противника. Тут сказался боевой опыт командира бригады, полковника М.Е.Катукова. В начале войны он командовал 20-й танковой дивизией и

сделал важные выводы из результатов первых приграничных боёв. В частности, 24 июня 1941 года у местечка Клевань (Украина) дивизия вступила в бой с частями немецкой танковой дивизии и потеряла все танки, перейдя в лобовую атаку. Из этого Катуков сделал вывод о вреде лобовых атак и необходимости танковых засад. В боях под селом Первый Воин (южнее города Мценска) танкисты бригады Катукова активно применяли контратаки и засады. В первом же бою танкисты уничтожили 43 гитлеровских танка и 16 орудий. Бой этот происходил во взаимодействии с артиллерией, в том числе и реактивной, что соответствовало одному из принципов суворовской тактики – взаимодействие огня и удара.

Семь суток длились бои под Мценском. Противник не смог реализовать численное превосходство. Усилиями советских войск враг был остановлен на подступах к городу. Тяжёлые потери были для гитлеровцев неприятной неожиданностью (а потеряли они немало – 143 танка и полк пехоты), даже сам командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гейнц Гудериан признал: «Русские научились воевать».

Несмотря на численное превосходство противника, 4-я танковая бригада нанесла гитлеровцам тяжёлые потери и выполнила поставленные боевые задачи. 11 ноября 1941 года за стойкость и умелое ведение боя 4-я танковая бригада была преобразована в 1-ю гвардейскую.

Октябрьское наступление группы армий «Центр» на Москву потерпело неудачу. Советские войска, в составе которых действовали танки, задержали противника на дальних подступах к столице.

В ноябре 1941 года гитлеровское командование предприняло второе наступление на Москву. Основной упор в этой операции командование вермахта сделало на механизированные группировки 3-й и 4-й танковых армий, которые должны были наступать из района Во-

локоламска и южнее Тулы и нанести удары по флангам Западного фронта с целью их окружения.

К началу ноябрьского наступления немцев на московском направлении танковые войска Западного фронта имели в своём составе 2 танковые, 3 мотострелковые дивизии, 19 танковых бригад и отдельный танковый батальон. В соединениях и частях насчитывалось 850 танков, однако 650 из них были лёгкими. Несмотря на усиление советских танковых частей, противник имел перевес танков в полтора раза. На направлениях главных ударов враг добился ещё большего превосходства в танках: так, например, против 56 танков 30-й армии, гитлеровцы могли выставить 300 средних и лёгких танков, т.е. почти в шесть раз больше. В таких условиях от командиров танковых соединений требовалось поистине суворовское мастерство и умение вести бой с превосходящими силами противника не числом, а умением.

В отличие от октябрьских боёв, танки не находились в резерве или во вторых эшелонах войск, а действовали в первых эшелонах совместно со стрелковыми соединениями. На Волоколамском шоссе силами 16-й армии была создана система эшелонированных в глубину танковых засад. Засады были созданы силами пяти танковых бригад, которые располагались тремя эшелонами: первые два по две бригады, в третьем – одна. Наличие такой обороны сыграло большую роль в отражении вражеского наступления войсками 16-й армии генерал-лейтенанта К.К.Рокоссовского.

Танковые части действовали совместно со стрелковыми и постоянно контратаковали противника. Так, на тульском направлении по наступавшей 2-й танковой армии Г.Гудериана был нанесён контрудар силами оперативной группы генерал-майора П.А.Белова. В состав этой группы, кроме стрелковых и кавалерийских частей, входили 112-я танковая дивизия, 9-я танковая бригада и два танковых батальона. Танкисты внесли ощутимый вклад в разгром гитлеровцев под Тулой.

После неудач на северном и южном флангах враг предпринял попытку наступления на центральном участке Западного фронта. 1 декабря 1941 года немцы попытались прорвать оборону 5-й и 33-й армий. Несмотря на то, что противник вклинился в оборону наших войск, силами мотострелковой дивизии, двух танковых бригад и пяти танковых батальонов прорыв был ликвидирован, а враг — уничтожен.

Так, в оборонительный период Московской битвы танковые части действовали по-суворовски. Командиры танковых частей наносили внезапные удары по превосходящим силам врага, который нёс в результате тяжёлые потери. Наступательный потенциал противника был серьёзно подорван и значительный вклад в это внесли танкисты. Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К.Жуков увидел возможность перехода в контрнаступление и разгрома врага, и в начале декабря в штабе Западного фронта был разработан план контрнаступления под Москвой. Условия для контрнаступления были созданы упорной обороной наших войск: противник был измотан в боях и совершенно обескровлен, не подозревал о готовящемся контрударе, т.к. армии для контрудара были переброшены скрытно для врага. В основе этого плана просматривается одно из основных положений тактики А.В.Суворова: маневр, быстрота действий и внезапность как условия, обеспечивающие победу над превосходящими силами противника.

На начало контрнаступления под Москвой войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов имели в своём составе 670 танков (205 тяжёлых и средних). Основные силы Западного фронта, в составе которых было 600 танков, сосредотачивались на флангах — южнее и севернее Москвы. Но добиться численного превосходства на направлениях главных ударов не удалось. Для достижения более полного результата наступления танки вводились в подвижные группы, соединения, состоявшие из стрелковых,

кавалерийских и танковых частей. Танки также выделялись и командирам стрелковых частей в качестве резерва. В период контрнаступления танки часто наступали вместе с пехотой и использовались для переброски десантов. Очень успешно танки действовали в составе подвижных групп. Так, подвижная группа войск 30-й армии, в составе которой действовала одна из лучших танковых бригад — 8-я, которой командовал полковник П.А.Ротмистров, перерезала Ленинградское шоссе и освободила населённый пункт Ямуга, уничтожив при этом около полка пехоты и двадцать танков противника. Затем эта группа стремительно продвинулась на юг и ударила во фланг вражеских войск. Для гитлеровцев этот удар был внезапным, и они стали отступать на юго-запад. После этой операции танковая бригада полковника Ротмистрова была включена в другую подвижную группу 30-й армии, состоявшую из танковых частей. Группа должна была ударом с запада овладеть городом Клин. Бои за город продолжались три дня, и 14 декабря Клин был освобождён.

Подвижные группы с участием танковых частей были созданы и на Волоколамском направлении в составе 16-й армии. Эти группы 12 декабря 1941 года обошли истринскую группировку с севера и юга и вышли ей в тыл, заставив тем самым гитлеровцев начать отступление на запад. Затем эти подвижные группы вырвались вперёд, и, действуя в отрыве от главных сил, 20 декабря стремительной атакой освободили Волоколамск. В составе группы генерал-майора М.Е.Катукова действовал 89-й танковый батальон. В период контрнаступления экипаж танка КВ-1 89-го танкового батальона под командованием старшего лейтенанта П.Д.Гудзя в бою с 18 гитлеровскими танками уничтожил десять из них. Это яркий пример применения на практике суворовского принципа «Бить не числом, а умением»!

Для освобождения Калуги была создана группа генерала Попова (50-я армия), в которую кроме стрелко-

вой и кавалерийской дивизий, вошла 112-я танковая, 124-й танковый полк и батальон тяжёлых танков. С 21 по 25 декабря 1941 года шли бои за город, и танкисты сыграли решающую роль в освобождении Калуги.

В начале января 1942 года контрнаступление на Западном стратегическом направлении завершилось. Советские войска выполнили поставленные боевые задачи. Они успешно осуществили первую крупную в ходе Великой Отечественной войны наступательную операцию. Гитлеровские войска понесли тяжёлые потери, особенно в танковых и моторизованных частях, что было очень важно для наших войска, так как танки были основной ударной силой вермахта.

Оценивая действия танковых войска в период Московской битвы, следует отметить, что они принимали самое активное участие вместе со стрелковыми, кавалерийскими и авиационными частями в обороне столицы и разгроме врага у стен города. Из-за большой нехватки танков, в особенности тяжёлых и средних, Красная Армия в этот период не имела крупных танковых соединений и основными подразделениями были танковые бригада и батальон, но и они использовались в ходе операций по-суворовски.

В период Московской битвы танки использовались в засадах – был успешно применён принцип активной обороны; они входили в состав подвижных групп – был блестяще применён принцип преследования и уничтожения противника; они действовали совместно с пехотой – принцип взаимодействия огня и удара. Таким образом, многие принципы суворовской «Науки побеждать» использовались командирами танковых частей при планировании операций и сыграли большую роль в разгроме гитлеровцев под Москвой.

История никогда не забудет великого русского полководца генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, столько сделавшего для своего Отечества и армии. Всю войну советские солдаты и офицеры били

врага по-суворовски, многие командиры были награждены орденами Суворова. В тяжёлую для страны пору, когда немецкие полчища стояли у стен столицы, Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин в своей исторической речи на параде 7 ноября 1941 года, вспоминая о героическом прошлом нашей Родины, среди имён героев русского народа упомянул и Александра Васильевича Суворова, как символ доблести и непобедимости русского солдата-патриота.

А.Г.Абрамов
Государственный мемориальный
музей А.В.Суворова

**Воспоминания
Ивана Никитича Григоровича
как исторический источник об
Итало-Швейцарском походе
А.В.Суворова**

В 40–50-х годах XIX века заметно увеличиваются мемуарные публикации о русских военачальниках. Особенно обильно печатаются воспоминания о А.В.Суворове его родных и друзей, боевых сподвижников в походах 1790-х годов, офицеров и солдат (И.О.Попадичева «Воспоминания суворовского солдата», Я.М.Старкова «Рассказы старого воина», Е.Ф.Комаровского «Записки») – ветеранов Итальянского и Швейцарского походов. Записи их позднейших рассказов о великом полководце появляются не только в журналах, но и отдельными сборниками. Однако многие воспоминания были изданы частично (А.К.Денисов «История войска Донского казака самим им писанная» и Никита Грязев «Мой журнал») или не были изданы совсем и даже неизвестны. Одной из таких работ были воспоминания Ивана Григоровича, которые он написал, будучи на гражданской службе в чине коллежского советника в 1845 году.

Обратившись к воспоминаниям И.К.Григоровича я обнаружил в них, что И.Н.Григорович был дедушкой последнего военно-морского министра И.К.Григоровича. Во вступительной статье Цветков приводит некоторые данные из биографии И.Н.Григоровича: «Сын Никиты Григорьевича Иван (1757–1832) состоял на военной и государственной службе и доводился адмиралу И.К.Григоровичу дедом. 29 марта 1810 г. И.Н. Григорович с потомством был пожалован указом Александра I «на дворянское достоинство, службой и чинами приоб-

ретенное, а также дипломом и гербом, с коих копии хранятся в Герольдии».

И.Н.Григорович вступил в службу в 1786 г. В 1799 г. в составе Архангелогородского мушкетерского полка участвовал в Итальянском походе А.В.Суворова. «За труды, понесенные при переходе через Альпийские горы и за оказанную в неоднократном сражении с неприятелем отличную храбрость, награжден штабс-капитаном и орденом Св. Анны 3-го класса». В 1801 г. его «отставили к статским делам майором», а в 1803 г., находясь на службе в Херсонской казенной палате казначеем, он был произведен в надворные советники, что соответствует VII классу по табели о рангах или чину подполковника¹. Эти данные он взял из личного фонда Григоровичей хранящиеся в РГАВМФ.

Решив проверить эти данные, я обратился к этому фонду, и обнаружил, что действительно был такой человек, но в имеющейся в фонде родословной нет больше никаких данных о нем, и ничего не указано о его службе. В остальных делах этого фонда я обнаружил другие сведения об Иване Никитиче Григоровиче, из которых следует, что И.Н.Григорович «в службе с 1775 г, с 24 сентября 1775 произведен в коллежские канцеляристы. С созданием Черниговского наместничества определен в совестный суд в должности коллежского регистратора, 4 июля 1782 г. произведен в коллежские протоколисты, 31 января 1783 г. произведен в коллежские секретари. Два трехлетия по выбору Пирятинского дворянства служил в Киевском верхнем земском суде заседателем. 13 июля 1789 г. выходит рескрипт Екатерины II о производстве Ивана Никитича Григоровича в коллежские секретари ранга сухопутного капитан-поручика. 31 декабря 1792 г. он произведен в коллежские асессоры. 30 августа 1814 г. ему была пожалована медаль памяти войны 1812 г.»². Цветков также указывает, что 29 марта 1810 г. указом императора Александра I И.Н.Григорович был пожалован в дворянство, однако из

материалов фонда мы видим, что 9 августа 1785 г. выходит «свидетельство Малороссийского дворянства о подтверждении дворянства И.Н.Григоровича»³. Дату смерти Цветков указывает 1832 год, однако, на первом листе воспоминаний мы видим дату 1845 год, следовательно, умереть в год указанный Цветковым он не мог. Однако данные, приведенные Цветковым о деятельности Григоровича в Италии и Швейцарии совпадают.

Из всего вышесказанного можно предположить, что Иван Никитич Григорович, описанный Цветковым не является, дедушкой последнего морского министра, но зато, судя по описанию, он является именно тем Григоровичем, который и написал воспоминания. Однако из-за недостатка информации окончательного вывода сделать нельзя. В дальнейшем, я думаю, провести более глубокое исследование и выяснить подробные данные об происхождении и службе Ивана Григоровича.

Хотя во время Итало-Швейцарского похода 1799 года Иван Григорович служил поручиком в Архангелогородском пехотном полку, и как он сам писал: «Но без сомнения всем известно, что фрунтовой офицер, стоя при своем плутонге, не больше может знать и пересказать, как только то, что вокруг его происходило, или где он был, следовательно, совсем не занимательное и не любопытное», однако эти воспоминания тоже представляют собой большую ценность и интерес.

Идея создания воспоминаний весьма своеобразна. Как пишет сам автор: «Перебирая иногда листы издаваемых журналов, я нашел однажды критическую статью о книге «История Генералиссимуса Князя Итальянского Графа Суворова Рымникского», которая названа компиляцией⁴, и не уважая столь неодобрительного отзыва о ней, любопытно было мне достать ее потому, что я служил всю кампанию в Италии и Альпийских горах в Архангелогородском полку поручиком имея отроду 28 лет и желал узнать как описаны наши движения и наши военные действия. Получив же оную книгу, я прочитал

только последние главы то чего желал, и ничего не нашел в особенности касающегося нас, а потому предпринял сделать некоторое пояснение о нашем походе.

При сем случае желание мое есть припомнить соотечественникам моим первый поход дедов и отцов их в отдаленную от нас страну Италию, и потому еще именно, что ежели историк Суворова писавши об одном полководце, не имел надобности пояснять подробно о службе их, так я, как товарищ их, признаю себя обязанным несколько подробнее пересказать то, что мне известно».

В настоящее время оригинал рукописи хранится в Государственном Мемориальном музее А.В.Суворова в фонде документов.

Итак, Иван Григорович, будучи в чине поручика, 28 лет отроду участвовал в Итальянском походе. Хотя по его словам он и занимал небольшой пост, но достаточно точно и интересно описал события, в которых сам принимал участие. Это осада крепости Тортон в течение «одного месяца и 5 дней», блокада Алессандринской крепости, причем по его словам, он лично принес капитуляцию генералу Повало-Швейковскому. Участие его в битве при Нови, где его батальон был атакован крупными силами французов и разбит. Помимо событий, в которых он участвовал непосредственно, Григорович дает также краткие описания других событий этой кампании: битва при Маренго, осада Алессанрии (до прихода его полка), сражении на р. Треббия. В Швейцарском походе И.Н.Григорович также деятельно участвовали во многих боях. В конце перехода, по его словам, он первым открыл необычный способ спуска с горы Винтер-Берг: «О себе я скажу только то, что в одном месте, подобравши под себя бывшую на мне шинель подбитую до пояса байкою, съехал с превысокой горы, так как у нас спускаются на саночках, и едва ли я первый открыл сию прямую и удобную дорогу».

В большинстве мемуаров о XVIII в. центральное место занимает описание порядков при дворе, борьбы придворных группировок за власть, дворцовых переворотов, характеристика личности и действий царей и цариц, их фаворитов и приближенных. Их форма и характер в значительной степени определяются уровнем и состоянием светской литературы в это время, хотя существуют, но в меньшем количестве воспоминания касающиеся интересующего нас сюжета. В своих же воспоминаниях Григорович решил отобразить образы реальных исторических лиц, с которыми он встречался, и события, в которых он непосредственно принимал участие. Главная цель появления воспоминаний – сохранить для потомства сведения о действительных исторических событиях и о людях принимавших участие в них, а также стремление личности запечатлеть для современников опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем.

1 И.К. Григорович. Воспоминания бывшего морского министра. – СПб., 1993. С.21-22.

2 Российский государственный исторический архив военно-морского флота. (далее РГИАВМФ) Ф. 701. Оп. 1. Д. 96. Л.3, Л. 13-13 об., Л. 14.

3 Там же. Л. 4.

4 Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымнического, генералиссимуса российских войск. – СПб., 1843.

Анонимную рецензию на эту книгу см.: Отечественные записки, 1843, Т. 31. С. 21-22. Работа Полевого охарактеризована рецензентом как «...Жалкая и ничтожная компиляция, наскоро составленная из газетных реляций. В ней нет ни взгляда, ни мысли, ни даже порядочного рассказа. О промахах и частных недостатках стоит ли говорить там, где вся книга – промах? К тому же, она писана для картинок, стало быть, она – заказ, а не свободное произведение ума, таланта и знания. Картинки в этой жалкой будто бы «Истории Суворова» – карикатуры, впрочем, без всякого злого умысла писанные на

Суворова и на его подвиги. Словом, и текст и картинки – все из рук вон плохо». Подробнее об изданиях книги Полевого см.: А.Г.Кавтарадзе А.В.Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. – М., 1980. С. 23-24.

Список использованных источников и литературы

I Источники.

1.Описание похода служившего в корпусе войска наших в Италии и Альпийских горах в кампанию 1799 года офицера, с некоторыми замечаниями его на историка Суворова. ГММ А.В.Суворова. Ф. Документы, МС 2734.

2. РГИАВМФ, Ф. 701. Оп. 1. Д. 63. Л. 23 об.–24. Ф. 701. Оп. 1. Д. 96. Л. 3,4, 13-13 об.

II Литература.

1. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – СПб., 1857. Т. I-III.

2. Рединг-Биберегг. Поход Суворова через Швейцарию. – СПб., 1902.

3. Суворов А.В. Документы. – М., 1953. Т.4.

4. Суворов А.В. Письма. – М., 1986.

5. Военная энциклопедия. – СПб.; М., 1912. Т. VIII; 1914. Т. XV, XVI, XVII.

6. Русский биографический словарь. – СПб., 1900.

Сборник материалов конференции «Суворовские чтения», посвященной 200-летию юбилею легендарного Швейцарского похода А.В.Суворова (1999 год), включает в себя тезисы докладов и выступлений, содержащие не только обращение к крупным событиям далекого прошлого, но и уточненные факты, не получившие широкой известности.

Компьютерный набор Н.Новикова
Оформление С.Лужковский
Корректурa О.Гомон
Верстка А.Смирнов

Государственный мемориальный музей
А.В.Суворова

Издательство «КОНТРФОРС»
ЛР № 030705 от 09.X.1996
193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1/3
тел. (812)276-12-41, факс (812)274-93-35

Сдано в набор 10.04.1999. Подписано в печать 10.06.1999.
Формат 84x108/32. Объем 5,5 п.л. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 124 от 07.06.99

Отпечатано в типографии «Турусел»
191186, СПб., ул.Миллионная, д.1.
Тел.311 54 74
Лиц. ПЛД № 69-150